

У МОЩЕЙ ПРЕПОД. СЕРАФИМА САРОВСКАГО.

I.

У моихъ родителейъ всегда находили радушныѣ пріютъ различные странники и богомольцы. Остановливаясь на ночлегъ, они много рассказывали о св. мѣстахъ, какія посѣщали. Бесѣды иногда бывали такъ любопытны, что продолжались часто далеко за полночь. Я обыкновенно присутствовалъ при всѣхъ этихъ бесѣдахъ. Какіе это были чудные, незабвенные вечера. Бывало, свернувшись гдѣ-ниб. клубочкомъ, затаивъ дыханіе, слушаешь мѣрную и плавную рѣчь рассказчика. Глазъ неводишь съ странника, боишься сказать хоть одно слово, какъ бы не прервать рѣчь, не помѣшать рассказу. Очень рано предо мною прошли чудныя картины Соловокъ, Валаама, Аѳона, Троицкой Лавры, Кіева съ его пещерами и многочисленными угодниками и картины многихъ другихъ св. русскихъ обитателей. Многое меня интересовало.

Но изъ всѣхъ рассказовъ особенно глубоко памятенъ мнѣ рассказы о преп. Сергіѣ, какъ онъ спасался въ лѣсу, и о старцѣ Саровскомъ Серафимѣ. Дѣтское воображеніе живо рисовало предо мною лѣсъ Саровскій, а въ немъ любвеобильнаго, кроткаго, сострадательнаго ко всѣмъ, святаго старца Серафима. Смыкая глаза, я живо представлялъ его, идущимъ по лѣсу съ котомкой за плечами. Я видѣлъ его лицо, полное такой неземной красоты, которая смиряла не только людей, но даже и звѣрей дикихъ. Мнѣ казалось, что я слышу даже шорохъ его ногъ. И не разъ я любилъ своею дѣтскою мыслию переноситься въ далекіе Саровскіе лѣса и представлять мысленно тамъ св. старца Серафима. Еще до поступленія въ первоначальную школу, я прочиталъ

первую книжку, въ которой описывались его подвиги. Какъ сейчасъ помню эту книжку, небольшую по размѣрамъ, съ пожелтѣвшими отъ времени страницами и довольно неза-тѣйливыми картинками изъ его жизни. Книжка о старцѣ Серафимѣ еще болѣе приковала мое вниманіе къ этому великому подвижнику земли русской.

Въ дѣтствѣ у меня очень болѣли глаза. Меня лѣчили различные доктора. Положеніе было очень опасное. Одинъ докторъ даже отказался лѣчить, признавъ болѣзнь неизлѣчимой. Помню какъ сейчасъ, моя мать въ то время особенно просила о помощи старца Серафима. Она даже дала обѣтъ сходить на его могилку, если я только поправлюсь. Болѣзнь моя прошла.

Я давно собирался въ обитель св. старца Серафима. Но до настоящаго лѣта мнѣ никакъ это не удавалось. Богъ судилъ мнѣ побывать на Валаамѣ, Афонѣ, въ Соловкахъ, Кіевѣ и многихъ другихъ—большихъ и малыхъ, бѣдныхъ и убогихъ русскихъ обителяхъ. Болѣе 50 обителей посѣтилъ я, но въ обитель старца Серафима не поспѣвалъ въ свободное отъ занятій время. Впрочемъ, можетъ быть, все это случилось и къ лучшему. Теперь мнѣ привелось быть въ дорогомъ для меня Саровѣ въ годину прославленія великаго и св. старца Саровскаго, такъ сказать, въ его праздникъ, а не въ будни.

Въ Саровъ мы отправились въ пятеромъ ¹⁾. Мы избрали путь въ Саровъ черезъ Ярославль по Волгѣ до Нижняго, отсюда по желѣзной дорогѣ до Арзамаса, а отъ Арзамаса на лошадяхъ до Сарова.

Нашъ пароходъ былъ переполненъ пассажирами. На пароходѣ жизнь была клячемъ... Но она очень мало гармонировала съ нашими думами и чувствами, которыя всѣ вращались около Сарова. На пароходѣ мы встрѣтили даже одного человѣка, который какимъ то образомъ ухитрился ничего не знать о предстоящихъ Саровскихъ торжествахъ. Впрочемъ, то былъ медикъ изъ какого-то медвѣжьяго уголка. Да и самъ-то онъ напоминалъ собою одинъ изъ подобныхъ уголковъ. Когда мы сѣли на Арзамасскую желѣзную дорогу, то встрѣтили пассажировъ совершенно уже съ дру-

¹⁾ Со мной ѣхало четыре студента 2 к. Московской Академіи: В. Меліоранскій, Е. Воскресенскій, С. Зубаревъ, j. Цвѣтановичъ.

гимъ настроеніемъ, что ѣхали съ нами по Волгѣ на парходѣ. Большинство изъ новыхъ нашихъ спутниковъ направлялось въ Саровъ. Настроеніе у всѣхъ замѣтно было почти одно и то же. Разговоръ вращался все около Сарова и виновника предстоящихъ религіозныхъ торжествъ. До насъ начинались уже какъ бы доноситься отклики того шума и движенія, какими былъ наполненъ теперь тихій и мирный Саровъ. Въ вагонѣ рассказывали о чудесахъ, впечатлѣніяхъ отъ обители. Замѣтно, по временамъ мысль рассказчика теряла нить дѣйствительности и вращалась въ области уже почти легендарнаго. Но вдумываясь въ это легендарное, невольно поражаешься глубиною мысли, которая скрывается за этой областью смутнаго и непонятнаго. Благочестивая мысль хочетъ связать всѣ событія изъ жизни св. старца и людей въ одно неразрывно-цѣлое, все одухотворить, все понять и объяснить, разрѣшить всевозможныя недоразумѣнія. Такъ невольно возникаетъ чудная, благочестивая легенда, успокоивающая душу вѣрующаго тамъ, гдѣ она не находила прежде этого успокоенія. Въ вагонѣ рассказывали слѣдующее.

— Несомнѣнно мощи св. угодника Серафима сначала были найдены совершенно нетлѣнными. Иначе какъ бы ихъ стали открывать? Вѣдь прежде этого не было? Такъ открывали мощи святителей Θεодосія, Тихона и другихъ. Но потомъ, когда стали вторично смотрѣть мощи старца Серафима, онѣ оказались не всѣ нетлѣнными. Это Господь послалъ намъ за грѣхи наши. Не желая наказать насъ въ конецъ, онъ послалъ намъ въ назиданіе и утѣшеніе не полныя мощи св. старца. Говорили, что старецъ Серафимъ тѣломъ вознесся...

Любопытенъ еще одинъ рассказъ. Говорили, что Государь будто бы сначала не хотѣлъ открывать мощей преп. Серафима. Но съ нимъ случилось слѣдующее. Однажды сидѣлъ онъ съ царицей и пилъ чай. У него въ это время была сильно больна старшая дочка. Вдругъ Государь видитъ, что черезъ комнату проходитъ какой-то сѣдовласый старецъ-монахъ, въ мантии, епитрахили и поручахъ, съ кожаными четками въ рукахъ. Прошелъ и скрылся изъ виду въ сосѣдней комнатѣ. Встали, посмотрѣли тамъ, но не нашли никого. Вдругъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Государь съ Государыней, вбѣгаетъ его старшая дочка. Ея болѣзнь уже совершенно

прошла. Она совершенно здорова, какъ будто бы никогда и не болѣла. Прежде чѣмъ успѣли ее спросить, какъ она выздоровѣла, дѣвочка быстро говорила:

— Папа, пришелъ ко мнѣ какой-то сейчасъ старецъ, который положилъ руку мнѣ на головку, помолился за меня и сказалъ мнѣ, что я теперь могу идти, потому что я уже здорова. Я встала съ постели и вотъ, видите, прибѣжала къ вамъ.

Въ старцѣ, такъ чудесно исцѣлившемъ дочку, Государь узналъ старца Серафима. У нихъ былъ его портретъ. Потому они и узнали его. Послѣ этого государь уже рѣшилъ открыть мощи св. старца...

Время за разговорами прошло незамѣтно. Мы подѣвзжали уже къ Арзамасу, гдѣ должны были оставить поѣздъ и ѣхать въ Саровъ на лошадахъ. Народу, отправляющагося въ Саровъ, было такъ много, что не успѣвали даже находить для всѣхъ лошадей. Чтобы судить о количествѣ богомольцевъ достаточно сказать, что наканунѣ изъ одного только Арзамаса съ пассажирами отправлено 157 парныхъ пунктовыхъ экипажей. Къ этому нужно прибавить еще то, что многіе изъ богомольцевъ отправляются въ Саровъ на простыхъ крестьянскихъ лошадахъ, а еще болѣе прямо пѣшкомъ. Намъ подали лошадей поздно вечеромъ, уже въ десятомъ часу. Это были послѣднія лошади на пунктѣ, притомъ только что почти возвратившіяся изъ Сарова. Пока подавали лошадей, я бродилъ по платформѣ, напряженно прислушиваясь къ рѣчамъ богомольцевъ, толпившихся кучками то тамъ, то сямъ. Рѣчь идетъ опять о Саровѣ. Рассказываютъ о чудесахъ. Рассказываютъ полушопотомъ, какъ бы совершается что-то необыкновенное, таинственное, страшное...

— На дняхъ слѣпой прозрѣлъ, говоритъ одинъ. А мнѣ говорили, что одинъ разслабленный, не ходившій много лѣтъ, выкупавшись въ источникѣ старца Серафима, пошелъ совершенно здоровый. Бѣсноватую женщину, сказываютъ, также исцѣлили. Во время бѣснованія нѣскольکو мужиковъ не могли удержать. Такая въ ней была сила. А тутъ смирилась и говорить, что теперь стала совершенно здоровой.

Въ другой кучкѣ рассказывали также что-то съ большимъ интересомъ. Подхожу и слышу.

— Не всѣхъ исцѣляетъ-то. Нужно, вишь, съ вѣрой да молитвой къ нему приходить. Вотъ пришелъ это одинъ мужи-

чекъ изъ нашихъ. Сталь купаться въ источникѣ у старца. Какъ станеть подь струю-то, какъ она ошпарить его холодомъ-то. А онъ не стерпѣль, да тутъ же матернымъ словомъ... Что же? Лишь вышелъ онъ изъ источника, какъ все тѣло его покрылось волдырями. Онъ къ доктору въ больницу. А докторъ лѣчилъ, лѣчилъ его, все безуспѣшно. Наконецъ и говоритъ ему:

— Иди, братъ, лѣчись тамъ, гдѣ ушибся. Пришелъ мужичекъ къ батюшкѣ Серафиму, да съ горячими слезами сталъ его просить объ исцѣленіи. Ну, конечно, старецъ вялялъ его молитвѣ и исцѣлилъ его.

— А то вотъ было дѣло какое съ монахомъ, начинается другой. Служилъ онъ на скотномъ дворѣ. Такой простенькій былъ, безъ всякихъ чиновъ. Просто—что нашъ братъ. Заболѣлъ это онъ ужъ больно. Все тѣло, видишь ли, у него покрылось какими-то чирьями да болячками. Что дѣлать? Лѣчили его доктора, не помогло. Вотъ и видитъ онъ сонъ. Во снѣ снится ему старецъ Серафимъ. Сходи, говоритъ онъ ему, на мой источникъ, искупайся тамъ и будешь здоровъ. Пошелъ онъ на утро, искупался тамъ и тотчасъ сталъ здоровъ. Куда только пропали всѣ его болячки... Такъ то вотъ, братецъ. Одна и та же водица у старца Божія однихъ исцѣляетъ, а другихъ прокажаетъ. Великій Божій угодникъ...

Иду дальше. Вижу предо мной старецъ слѣпой и почти безногий. Его ведетъ подъ руку старуха. Разспрашиваю. Говорить, что ходилъ пѣшкомъ въ Саровъ. Четвертый мѣсяцъ уже въ дорогѣ, хотя и недалеко сравнительно живеть отъ Сарова. Шель почти ползкомъ. Какая глубокая вѣра и какое усердіе... А вотъ эта группа людей, говорятъ мнѣ, идутъ изъ Сибири прямо, оттуда изъ-за Томскаго.

— Да теперь тутъ есть люди изъ Архангельска, съ Дону, изъ Искова. И откуда, откуда еще нѣтъ,—говорять мнѣ. Я удивляюсь.

Намъ подали лошадей наконецъ. Мы сѣли и поѣхали. Когда я садился въ экипажъ, мнѣ стыдно было за себя. Вотъ, думалъ я, мы ѣдемъ, а они, бѣдные съ сумами должны идти пѣшкомъ. И мнѣ хотѣлось бросить экипажъ, чтобы присоединиться къ какой-либо кучкѣ паломниковъ и идти съ ними нога въ ногу. Но скоро намъ пришлось измѣнить

представленіе о прелестяхъ путешествія отъ Арзамаса до Сарова на лошадахъ. Оказалось въ дѣйствительности это такое несчастье, что положительно всё мы теряли голову и не знали, кто несъ большій подвигъ, мы ли или пѣшеходы. Дорога положительно въ первобытномъ состояніи: со множествомъ рытвинъ, ухабовъ, колеи. Отсюда постоянная тряска и ныряніе по ухабамъ. А во время гонки наши экипажи такъ высоко подпрыгивали на воздухъ вверхъ, что не разъ намъ угрожала опасность не попасть снова на прежнее мѣсто въ экипажъ, а съѣсть гдѣ-нибудь на дорогѣ. Своего кучера мы ловили нѣсколько разъ за поясъ и такимъ образомъ спасали его въ минуту опасности. Присоедините ко всему этому еще то, что въ тарантасѣ сидѣнья нѣтъ. Приходится съ грѣхомъ по поламъ сидѣть на ерзающей и сползающей во всё стороны соломѣ. Пытаешься лежать, какъ дѣлаютъ другіе путники, но рискуешь постоянно разбить себѣ голову или остаться безъ зубовъ. Вслѣдствіе засухи дорога была суха, какъ камень, покрыта густѣйшимъ слоемъ черноземной пыли. При проѣздѣ по такой дорогѣ пыль поднималась густымъ столбомъ и тянулась за путниками по крайней мѣрѣ на разстояніи полуверсты. Приходилось ѣхать на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Но и это мало помогало, такъ какъ то и дѣло намъ попадались лошади встрѣчныя, и то и дѣло мы попадали въ такія густыя облака пыли, что надолго скрывались въ ней, какъ бы тонули въ какомъ океанѣ. О ѣдущихъ тогда можно было заключать только по стуку экипажа...

За полночь мы пріѣхали на ночлегъ въ деревню. Кругомъ нашего дома стояло много экипажей. Домъ былъ освѣщенъ огнями. Тамъ мелькали тѣни людей, доносился до насъ разговоръ. Приглашаютъ пить чай. Почему-то непременно нужно пить чай въ такую пору, въ какую отъ роду никогда его не пиваль. Подчиняемся. Спать въ комнатѣ нельзя отъ духоты и жары, да и некогда. Иду на волю. Ложусь въ тарантасъ, который теперь не прыгаетъ; немного засыпаю тяжелымъ сномъ. Во снѣ все представляется, что подпрыгиваешь, летишь куда-то, хватаешься за стѣнки повозки, чтобы не упасть...

Наконецъ, лошади опять запряжены и мы еще до восхода солнца отправились снова въ путь. Началось тоже самое

ныряніе и подпрыгиваніе. Терпѣливо сносимъ все. Одна просьба къ кучеру: „не убей“...

Но вотъ и Саровскіе лѣса, о которыхъ я такъ много слыхалъ. Мы въѣзжаемъ подъ густыя тѣнистыя своды, образованныя вѣтвями высокыхъ могучихъ сосенъ. Вдемъ, какъ бы подъ какими нарочно устроенными сводами изъ прекрасной зелени. Воздухъ густо напоенъ запахомъ смолы. Дышать необыкновенно легко. Въ лѣсу царитъ необыкновенная тишина. Только тамъ или здѣсь прощечбечеть беззаботная птичка лѣсная, да протрещать въ травѣ кузнечики. Волна какихъ то таинственныхъ чувствъ невольно наплываетъ на тебя, погружая въ область чего-то необыкновенно умиротворяющаго, необыкновенно сладостнаго. Кажется, что ты будто уже восхищенъ и касаешься страшныхъ высотъ неба. Забывается даже тряска, которая въ лѣсу еще болѣе увеличивается.

II.

Еще одинъ поворотъ и предъ нами во всей красѣ предстала Саровъ, залитый утреннимъ свѣтомъ, съ своими величественными храмами, зданіями, различными постройками. Небольшой холмъ, на которомъ стоялъ монастырь, весь былъ заполненъ постройками. Все было поновлено сверху донизу. Все блестяло новизною красокъ. Гармоничное расположение храмовъ съ многочисленными куполами, башенъ и башенокъ производило пріятное впечатлѣніе на путника. Справа внизу холма длинной зеркальной лентой, огибая холмъ, тянулась рѣчка Саровка съ другой—Сатисъ. Кругомъ на песчаныхъ холмахъ высились вѣковые сосновые лѣса Сарова.

Но довольно объ этомъ. Мы пріѣхали смотрѣть не камни, въ какія бы стройныя громады они не были сложены, а на то, что дороже не только камней, но и всего видимаго міра. По двору, переполненному богомольцами, мы пошли на могилку св. старца. Среди множества богомольцевъ насъ особенно поражали громадныя толпы мордовокъ въ ихъ странныхъ костюмахъ, съ ихъ страннымъ говоромъ. Костюмы до того странны, что подъ часъ не отличишь мужчину отъ женщины. Но еще болѣе насъ удивило то, что мордва отличается необыкновенной религіозностью, необыкновеннымъ усердіемъ къ храму Божію. Такой глубокой вѣры и такого усердія да-

леко не встрѣтишь, кажется, и среди населенія нашихъ центральныхъ губерній.

Вотъ мы и у могилки св. старца Серафима, надъ которой устроена довольно большая часовня. Часовня полна. Служать паннихиду по старцѣ. Теплится множество свѣчей. Всѣ молятся не тою обычною молитвою, какой молятся въ своихъ храмахъ. Нѣтъ, мысль и чувства здѣсь такъ напряжены, какъ онѣ бывають весьма рѣдко напряжены. Всѣ здѣсь слились въ одно неразрывное цѣлое. Здѣсь какъ бы все превратилось въ молитву. Здѣсь одна молитва.

Кончена паннихида. Начинають прикладываться. Слышатся глубокіе вздохи, тутъ тихо по лицу катится слеза, тамъ чувства радости и глубокаго умиленія читаешь на лицѣ. Вотъ священникъ стоитъ на колѣнахъ и горячо, горячо молится. Если бы всегда онъ и въ своемъ храмѣ молился такъ... Какимъ бы примѣромъ онъ былъ для своихъ пасомыхъ. Какъ бы онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ.

Изъ всего видѣннаго здѣсь меня поразило особенно одно. Я долго наблюдалъ за женщиной, которая склонилась надъ могилой св. старца и нѣжно въ полголоса что-то долго говорила. Тамъ былъ какъ будто бы кто-то живой, который слыпалъ каждое ея слово. Грань, отдѣляющая потусторонній міръ отъ земли, стерта, уничтожена. Предъ молящейся одинъ сплошной міръ. Умершіе—словно живые. Нѣтъ болѣе бездны, отдѣляющей живыхъ отъ умершихъ. Какъ просто здѣсь разрѣшался вѣковѣчный вопросъ, объ отношеніи живыхъ къ умершимъ, — вопросъ, смущающій многіе великіе умы и даже цѣлыя общества людей. Мысленно представлялъ я себѣ въ эти минуты и то, какого величайшаго утѣшенія лишаютъ себя протестанты и наши штундисты, не признавая мощей и молитвъ за умершихъ.

Смотря на молящихся, я припомнилъ слова св. старца, который не задолго до своей смерти говорилъ:

— Когда меня не станетъ, ходите ко мнѣ на гробикъ, ходите, какъ вамъ время есть, и чѣмъ чаще тѣмъ—лучше. Все, что ни есть у васъ на душѣ, все, о чемъ ни скорбите, что ни случилось бы съ вами, все, — придите, да мнѣ на гробикѣ, припавъ къ землѣ, какъ живому поразкажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ, какъ съ живымъ, со мной говорите, и всегда я для васъ живъ буду...

Какія трогательныя, многосодержательныя слова. Какою любовію къ бѣднымъ и страждущимъ людямъ было наполнено сердце св. старца. Не только при жизни, но и по смерти онъ обѣщаль быть вѣчнымъ, ихъ лучшимъ другомъ, утѣшителемъ, помощникомъ. Вотъ она жизнь не для себя, а для другихъ.... И пошелъ русскій народъ на „гробикъ“ старца Серафима, какъ бы онъ былъ еще для него живой, какъ бы онъ еще и теперь говорилъ съ нимъ тѣмъ языкомъ, какимъ говорилъ онъ съ нимъ 70 лѣтъ тому назадъ. Да и можно ли не идти на такой гробикъ?... Въ наши дни часто и у живыхъ людей не встрѣтишь никакого слова ласки и привѣта. А о помощи какой-либо не приходится и думать. Почти ужъ не съ кѣмъ стало говорить теперь....

И молитвы глубоко вѣрующихъ сердець часто тотчасъ же здѣсь, на глазахъ у всѣхъ, исполняются старцемъ. Рассказываютъ, какъ недавно совершилось чудо прозрѣнія одного 16-лѣтняго мальчика. Послѣ паннихиды, совершенной на могилѣ старца Серафима, мать подвела своего несчастнаго сына приложиться къ иконѣ св. старца. Мальчикъ приложился. Вдругъ раздается радостный крикъ:

— Мама, я вижу...

Трудно, говорятъ, передать тотъ энтузіазмъ, который охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ это время въ часовнѣ старца Серафима. Всѣ плакали, нѣкоторые даже кричали отъ восторга духовнаго. Всѣ начали пѣть: „со святыми упокой“. Поставлена была масса свѣчей. Начата снова паннихида. И долго, долго не расходился народъ изъ часовни. А тамъ стоустая молва разносила вѣсть о новой милости великаго старца изъ одного уголка въ другой. И всѣ устремлялись къ часовнѣ св. старца, радуясь и прославляя новаго угодника и чудотворца.

Много совершается и другихъ чудесъ на могилкѣ св. старца. Но знаетъ ли св. Русь, сколько здѣсь совершается другихъ чудесъ, которыя нельзя видѣть постороннему глазу, которыя нельзя записать? Сколько тысячъ людей обновляются здѣсь духомъ. Сколько людей, почти уже бросившихъ свой жизненный крестъ, снова возьмутъ его на свои плечи и съ новой силой устремятся къ своему Христу и Богу. Сколько сомнѣній, колебаній, смущеній разсѣяно будетъ здѣсь. Сколько совѣстей будетъ очищено. Сколько людей

будеть примирено съ своей долей, какова бы она ни была. Сколько свѣта прольется отсюда по всѣмъ уголкамъ земли Русской. Какая здѣсь скрыта великая сила для русскихъ людей. Сколь многіе годы русскіе люди будутъ обновляться и освѣжаться духовно предъ этой великой священной могилы. Долго, долго не исчерпать русскимъ людямъ, великаго духовнаго богатства, что сокрыто здѣсь. Долго, долго онъ будетъ живой путеводной звѣздой среди окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ мрака. Не заростетъ сюда народная тропа...

Горячо молился у гроба св. старца и я. Молился за всѣхъ, за кого молюсь ежедневно. Молился за многихъ больныхъ. Молился за весь міръ христіанскій, испрашивая ему великихъ милостей у Бога. Молился и о многомъ другомъ, чего пламенно желаетъ моя душа въ скоропреходящемъ мірѣ этомъ, пока Господь не призоветъ къ себѣ, куда я желалъ бы придти скорѣе. Ибо вѣдь только тамъ настоящій нашъ домъ, наша родина. Здѣсь же мы лишь гости и убогіе странники...

III.

Отдохнувши немного, мы отправились въ „пустынки“ св. старца, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ въ общеніи съ Богомъ и великихъ подвигахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, гдѣ онъ такъ много послужилъ своимъ ближнимъ не только словомъ, но и дѣломъ.

Дорога въ пустынки шла мимо довольно высокаго песчаного косогора, покрытаго высокими соснами, распространявшими кругомъ здоровый смолистый ароматъ. Вѣтви многихъ сосенъ такъ были велики, что далеко простирались черезъ дорогу, образуя въ этихъ мѣстахъ какъ бы чудную зеленую крышу. Какой прекрасный здѣсь воздухъ. Такъ бы никогда и не ушелъ отсюда. Справа вдоль дороги все время блестящей лентой извиивается рѣчка Саровка съ необыкновенно чистой, свѣжей, холодной водой. На другомъ берегу Саровки тянется также густой лѣсъ.

По дорогѣ идетъ множество богомольцевъ. Идутъ большими группами, идутъ небольшими кучками, идутъ по двое, по трое. Всѣ какъ то необыкновенно серьезны. Кругомъ тишина. Нигдѣ не видно улыбки на лицѣ, не слышно смѣха.

И говорятъ какъ то болѣе все въ полголоса. У всѣхъ какая то серьезная дума на душѣ. Многіе идутъ безъ шапокъ. Какъ мало похожа эта толпа на нашихъ богомольцевъ, одѣтыхъ по праздничному, несущихъ въ монастырь свои мірскія веселье, смѣхъ, шутки... Весело идти среди народа. Идешь и не замѣчаешь дороги. Такъ, кажется, не замѣтилъ бы цѣлыхъ десятковъ верстъ, если бы пришлось куда-нибудь идти.

Идя къ пустынкѣ старца Серафима, я переносился мыслию къ далекому прошлому. Мнѣ живо представлялся одинъ день, когда старецъ Серафимъ съ котомкой за плечами, шель изъ монастыря сюда въ пустынку, чтобы здѣсь поселиться и отдаться Богу всецѣло, безраздѣльно, день и ночь, до конца своей жизни. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Пылкая, чистая душа искала настоящей иноческой жизни, высокихъ подвиговъ, жизни для Бога и людей, и всего меньше жизни для себя, а особенно для своего внѣшняго благополучія.

Пустынничество, на которое удалялся изъ обители старецъ Серафимъ, не всѣмъ нравилось. Одинъ изъ иноковъ обители, волнуемый различными мыслями на счетъ пустынножительства, говорилъ старцу:

— Отче, нѣкоторые говорятъ, что удаленіе отъ общежительства въ пустыню есть фарисейство, что этимъ оказывается пренебреженіе братіи, или еще, бросается на нее осужденіе. Какъ ты думаешь?

Старецъ отвѣчалъ:

— Не наше дѣло судить другихъ. А удаляемся мы изъ общества братства не изъ ненависти къ нему, а болѣе для того, что мы приняли и носимъ на себѣ чинъ ангельскій, которому не вмѣстительно быть тамъ, гдѣ словомъ и дѣломъ прогнѣвается Богъ. И потому мы, отлучаясь отъ братства, удаляемся только отъ слышанія и видѣнія того, что противно заповѣдямъ Божиимъ, какъ это случается неизбежно при множествѣ братіи. Мы избѣгаемъ не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то же имя Христово, но пороковъ, ими творимыхъ, какъ и великому Арсецію сказано было: „бѣгай людей и спасешься“.

Такъ, не смотря на то, что въ глазахъ нѣкоторыхъ собратьевъ подвигъ пустынножительства былъ только „фари-

сействомъ“, старецъ Серафимъ твердо шелъ къ намѣченной имъ цѣли. Его не смущала молва. Онъ зналъ, что творилъ. Выйдя за стѣны своей обители, онъ не вернулся въ нее обратно, обуреваемый сомнѣніями и побѣждаемый немощами. Напротивъ скорѣе спѣшилъ онъ въ тѣ завѣтные уголки Саровскаго лѣса, гдѣ могъ всецѣло отдаться Богу. Здѣсь, созерцая красоты природы, мысленно переносясь къ далекимъ небесамъ, въ тиши и уединеніи онъ яснѣе могъ ощущать присутствіе Божіе, ближе и тѣснѣе входить въ общеніе съ Богомъ, больше могъ излить предъ нимъ свою душу. Услаждаясь мысленнымъ созерцаніемъ дивныхъ свойствъ Божіихъ, пребывая въ постоянной бесѣдѣ съ Богомъ, юный подвижникъ могъ не только вполне отрѣшиться отъ міра, но и забыть всѣ свои насущныя нужды. Такъ дѣйствительно и было впоследствии. Пребывая въ духовной бесѣдѣ съ Богомъ онъ забывалъ даже о насущномъ хлѣбѣ. Иногда онъ по нѣскольку дней не вкушалъ никакой пищи.

Идя не спѣша въ пустынку св. старца, слѣва отъ дороги мы увидали крестъ около пещеры. Тутъ собралась группа богомольцевъ и стояла въ молчаніи, ожидая отъ кого-либо объясненія. Попавшійся на встрѣчу инокъ говорилъ:

— Здѣсь жилъ въ пещерѣ схимонахъ Маркъ. Онъ погребенъ около св. Серафима, былъ его современникомъ. Скончался на 17 лѣтъ раньше старца Серафима.

Идемъ дальше. Видимъ новый крестъ. Около него расположенъ небольшой огородикъ. Въ немъ всего три грядки. Это первый небольшой огородикъ, заведенный некогда старцемъ Серафимомъ.

По дорогѣ намъ попадаются довольно часто колодцы. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ поставлены небольшія часовенки. Замѣчательно чистая, прозрачная, здоровая въ нихъ вода. Богомольцы обыкновенно всѣ подходятъ и пьютъ эту воду. Пили и мы. А нѣкоторые изъ богомольцевъ берутъ изъ cadaго колодца даже понемногу воды въ особыя бутылочки, чтобы унести ее съ собой въ свои дома.

Совершенно незамѣтно мы подошли къ первой, ближайшей пустынкѣ старца Серафима, отстоящей отъ монастыря въ двухъ съ половиной верстахъ. Здѣсь находится главный источникъ св. Серафима. Надъ источникомъ устроена большая часовня, расписанная вся прекрасной живописью. Воды

въ колодцѣ много. Вода такъ чиста, свѣжа, здорова, что трудно представить еще другую болѣе хорошую воду. Пьешь и думаешь, что это какой-либо чудный живительный напитокъ, а не простая ключевая вода. Хотѣлось бы постоянно пользоваться этой водой.

У источника постоянно находится масса народа. Здѣсь, говорятъ, совершаются главнымъ образомъ чудеса. Здѣсь можно видѣть и слѣпыхъ, и хромыхъ, и бѣсноватыхъ, и параличныхъ, и умалишенныхъ, и ослабленныхъ. Сюда привозятъ людей на креслахъ, крестьяне везутъ своихъ больныхъ на телѣгахъ. Какія блѣдныя, испитыя, измученныя лица все. Отъ нѣкоторыхъ больныхъ остался почти одинъ только остовъ: кожа да кости. Нѣкоторыхъ несутъ на рукахъ. Всѣ обыкновенно здѣсь купаются, обмываются, пьютъ воду. Въ воду погружаютъ и самыхъ отчаянно больныхъ, которые не могутъ двинуть ни рукой, ни ногой. Смотря на эти картины, невольно жутко становится на душѣ. Но напрасны опасенія за больныхъ. Многіе выходятъ изъ источника,—этой своего рода Силоамской купели,—совершенно здоровыми. Теперь записано масса случаевъ исцѣленія здѣсь отъ всевозможныхъ болѣзней: ревматизма, головныхъ болей, параличей, нарывовъ и всевозможныхъ ранъ, экземы и т. д. Слушая рассказы о различныхъ исцѣленіяхъ, бывающихъ здѣсь, невольно думаешь: это единственная въ цѣломъ свѣтѣ своего рода аптека, гдѣ находится одно только лѣкарство отъ всевозможныхъ болѣзней и лѣкарство столь могущественное, что съ нимъ не можетъ сравниться никакое другое.

Впрочемъ, нѣкоторые и трусятъ купаться въ источникѣ, опасаясь простудиться и заболѣть. Я купался, не смотря на то, что былъ весьма жаркій день и тѣло было сильно разгорячено. Въ источникѣ вода, говорятъ, не имѣетъ болѣе четырехъ градусовъ тепла. Подъ сильную струю холоднѣйшей воды сходятъ по ступенькамъ въ особое углубленіе. Когда я сталъ подъ струю и вода меня обдала всего съ головы до ногъ, то мнѣ казалось, что я весь попалъ въ сильнѣйшее пламя огня и загорѣлся. Мнѣ думалось, что это ужъ не вода. Я забылъ даже про нее. Сильное потрясающее ощущеніе. Безъ молитвы быть въ это время нельзя. Каждый проситъ угодника о чемъ либо. А мало ли о чемъ есть каждому просить

угодника? Изъ сосѣдняго со мною отдѣленія купальни до меня доносился радостный голосъ:

— Исцѣли, батюшка, святой Серафимъ.

Когда я одѣлся и вышелъ изъ купальни на волю, по всему тѣлу разливалась какая то необыкновенно пріятная теплота, какой я, кажется, никогда не ощущалъ. Усталости совершенно не чувствовалось. Тѣло стало какимъ то легкимъ и удобоподвижнымъ. Казалось, какъ будто я нѣсколько пудовъ потерялъ въ вѣсѣ, выйдя изъ этого источника... Идти было такъ легко, что шель, будто не прикасаясь къ землѣ, а прямо по воздуху.

Рядомъ съ источникомъ, на горкѣ, намъ показали первую ближайшую „пустынь“ св. старца. Здѣсь стоитъ небольшой домикъ, на подобіе того, въ какомъ жилъ старецъ Серафимъ. Рядомъ съ пустынкой указываютъ и мѣсто, на которомъ онъ кормилъ хлѣбомъ изъ своихъ рукъ медвѣдя, удѣляя и безъ того скудные свои запасы еще дикимъ звѣрямъ. Какъ велика была у старца любовь. Онъ любилъ не только людей, но даже и звѣрей; удѣлялъ свои послѣдніе остатки не только людямъ, но и звѣрямъ.

Какъ хотѣлось мнѣ воскресить эту чудную картину... Вотъ онъ въ лѣсу сидитъ на бревнѣ, а большой медвѣдь беретъ у него изъ рукъ ломоть хлѣба. Сколько ласковости, духовнаго мира, духовной мощи и силы въ выраженіи лица старца. Внутренняя сила побѣждаетъ дикую силу. Дикій и кровожадный звѣрь тихъ и кротокъ предъ старцемъ, какъ ягненокъ. Если такъ сильно было воздѣйствіе св. старца на дикихъ звѣрей, то удивительно ли, что онъ такъ умѣлъ побѣждать людскую злобу и привязывать къ себѣ сердца всѣхъ людей, всякаго возраста, званія, состоянія, образованія. Интересенъ весьма поступокъ одного изъ почитателей старца Серафима. Въ своей столовой онъ повѣсилъ изображеніе старца Серафима, кормящаго медвѣдя, засвѣтилъ предъ нимъ лампаду и сдѣлалъ на рамѣ слѣдующую надпись:

„Дикій звѣрь имѣлъ у тебя трапезу. Питай и меня раба твоего“.

Сколько питалъ и кормилъ св. старецъ здѣсь въ свое время? И до сихъ поръ питаетъ онъ всѣхъ, кто приходитъ къ нему съ вѣрой, питаетъ не только духовно, но и тѣлесно.

IV.

Изъ ближней „пустынки“ мы пошли въ дальнюю. Когда св. старца слишкомъ утруждалъ народъ въ ближней пустынкѣ, то онъ, скрываясь отъ людей, уходилъ обыкновенно въ дальнюю.

Дорога пошла въ гору. Мы шли теперь между двумя сплошными стѣнами высокаго сосноваго лѣса. Дорога была узкая. Вѣтви высокихъ сосенъ, перекидываясь черезъ дорогу, образовали по мѣстамъ непроницаемый для лучей солнца тѣнистый зеленый роскошный сводъ. Какъ прекрасно идти здѣсь. Кругомъ какая то таинственная тишина. Воздухъ напоенъ запахомъ сосноваго лѣса. Въ природѣ совершается какъ бы какое священнодѣйствіе. Настроеніе какое то трепетное. Намъ казалось, что вотъ, вотъ вывернется откуда-нибудь „ветхій денми“ старецъ съ котомкой за плечами и топорикомъ въ рукахъ, какъ онъ обыкновенно хаживалъ здѣсь.

Прошли версты полторы. У дороги, видимъ, небольшую часовню, открытую со всѣхъ сторонъ. Входимъ въ нее. На полу лежитъ большой камень. Надпись гласить, что здѣсь молился старецъ Серафимъ 1000 ночей. Рядомъ стоитъ сосна. На ней икона св. Троицы, предъ которой, по преданію, молился св. старецъ. Воображеніе живо рисуетъ картину того, какъ некогда здѣсь, среди темно-зеленой чащи лѣса, съ открытой головой, одѣтый въ бѣлый балахонъ, съ мѣднымъ,—материнскимъ благословеніемъ,—крестомъ на груди, съ поднятыми руками къ небу стоя великій старецъ и молился. Около него лежитъ топорикъ и мѣшечекъ съ сухарями или по временамъ камнями.

Старецъ Серафимъ молился на камнѣ или стоя съ воздѣтыми вверхъ руками или на колѣнахъ. Проходя этотъ подвигъ, св. старецъ подражалъ древнимъ столпникамъ. Подвигъ несомнѣнно изъ весьма трудныхъ подвиговъ. У старца сильно болѣли ноги и до этого подвига. Часто они покрывались ранами. Стояніе на камнѣ еще болѣе усиливало болѣзнь его ногъ. Приходилось стоять подъ открытымъ небомъ и переносить всякую погоду: жаръ, холодъ, дождь. Нѣкоторые, удивляясь такимъ подвигамъ старца, говорили, что это

свыше человѣческихъ силъ. О. Серафимъ обыкновенно смиренно отвѣчалъ:

— Св. Симеонъ Столпникъ сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ. А мои труды похожи ли на его подвигъ?

Камни, на которыхъ молился старецъ Серафимъ, теперь стали предметомъ благоговѣйнаго почитанія, какъ свидѣтели великихъ молитвенныхъ подвиговъ старца. Какъ хотѣлось бы проникнуть въ тайну этихъ тысячи дней и ночей, проведенныхъ старцемъ въ молитвѣ. Что передумалъ, переживалъ и пережилъ старецъ въ это время. До какихъ высотъ восходилъ онъ своимъ духомъ. Въ какія глубины нисходила его мысль. Какъ близка его сердцу становилась грѣшная земля съ вѣчно страдающими на ней людьми. Какъ весь міръ людей грѣшныхъ и святыхъ, друзей и враговъ, падающихъ и возстающихъ обнимался его душой, и умѣщался въ его душѣ. Какъ онъ научался здѣсь любить людей со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами не только словомъ, но и дѣломъ. Какъ онъ научился здѣсь видѣть и побѣждать въ себѣ грѣхъ, различать помыслы, бороться съ грѣхомъ въ другихъ мудро и побѣдоносно. Какъ пламенно онъ молился здѣсь за весь родъ человѣческій, молился въ то время, когда тысячи людей среди покрова ночи творили дѣла тьмы, не вѣдая, что они творять...

Мы привыкли понимать молитву грубо—только въ смыслѣ испрашиваній у Бога той или другой помощи себѣ. Оттого такъ бѣдна и скучна часто бываетъ наша молитва. А нѣкоторые такъ даже и вовсе не знаютъ, о чемъ и какъ имъ молиться, и перестаютъ или совершенно молиться или мало молятся. Присоедините къ молитвѣ переживаніе всего, что видитъ, слышитъ, знаетъ человѣкъ, переживаніе во свѣтѣ Божиѣмъ. Какъ расширится тогда молитва. Вѣдь каждое наше слово, каждое дѣло, каждая затаенная дума могутъ быть разсматриваемы, какъ дѣла наши противъ Христа или за Христа, во свѣтѣ Христовомъ и во свѣтѣ тьмы. Мы можемъ жить для Бога или для Его великаго противника, начальника всякаго зла. И всю окружающую насъ жизнь со всѣми ея мельчайшими и крупнѣйшими явленіями мы должны разсматривать во свѣтѣ Божиѣмъ. И въ мірѣ физическомъ все, начиная отъ ничтожной пылинки до самыхъ грандіозныхъ явленій природы, въ томъ же Божиѣмъ вѣч-

номъ свѣтѣ все мы должны представлять. Присоедините къ этому переживаніе воли Божіей въ судьбахъ жившихъ до насъ народовъ. И еще болѣе расширяется наша молитва. Какой необходимой кажется намъ она. Сколько глубины въ ней. Это молитва ужъ не слово, а дѣло, молитва познанія самыхъ дорогихъ для человѣка истинъ. Въ самомъ дѣлѣ, что дороже для человѣка знать, гдѣ онъ каждую минуту находится, не сбился ли съ дороги давно, не трудится ли напрасно. Какъ цѣнно для человѣка знать и жизнь людей не какъ рядъ какихъ то разрозненныхъ живыхъ существъ, дѣлающихъ что-то, а какъ единое цѣлое, связанное неразрывными узами, совершающее великую жизненную работу во имя Божіе и во свѣтѣ Божіемъ. Какъ важно научиться представлять и весь видимый міръ не какъ какой то слѣпой механизмъ съ безконечнымъ множествомъ неразумныхъ явленій, а какъ нѣчто единое, одухотворенное, полное опредѣленнаго плана и мысли...

Послѣ всего этого нужно ли удивляться тому, что подвижники, не получившіе никакого образованія, живя въ пустынѣ, достигали такой высоты, что становились учителями и мірскихъ мудрецовъ.

Отдохнувъ немного у камня и помечтавъ о прошломъ, мы пошли дальше. До пустынки оставалось еще версты двѣ. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ становился гуще и лучше. Кругомъ зелень. Только небольшая дорога, извиваясь среди этого моря зелени, указываетъ путнику, что здѣсь не все тѣмъ, а есть что-то и болѣе тѣмъ. Идемъ смѣло впередъ. Хотя и незнакома намъ мѣстность, но полагаемся на дорогу. Еще нѣсколько поворотовъ направо, налево, одинъ подъемъ въ гору и мы подходимъ къ небольшому деревянному домику, стоящему въ чащѣ тѣмъ. Кругомъ все тихо, не видно ни одной души. Робко входимъ въ небольшіе сѣнцы. Насъ встрѣчаетъ монахъ. Оказывается, мы пришли въ дальнюю пустынку св. старца Серафима и находимся въ его келліи.

Помолились. Какъ мирно и тихо здѣсь. Предъ иконами зажжено много свѣчей. Въ комнатѣ пріятно пахнетъ воскомъ. На стѣнахъ картины, на которыхъ изображены различныя событія изъ жизни старца Серафима. Что-то неуловимо прекрасное благодатное рѣшетъ здѣсь и невольно смиряется души моей тревога...

— Не угодно ли вамъ посмотрѣть пустыню въ пустынь?— сказалъ монахъ.

— А что это за пустыня такая?—спрашиваемъ монаха.

— Пойдемъ-те и увидите,—отвѣчалъ монахъ.

Монахъ началъ рассказывать слѣдующее. Когда жилъ здѣсь старецъ, то по временамъ его слишкомъ одолѣвалъ народъ. Такъ какъ народъ былъ и въ домикѣ и кругомъ домика, то ему нельзя было выдти изъ дома и остаться незамѣченнымъ. Для своего уединенія онъ и придумалъ пустынку въ пустынкѣ. За печкой устроилъ секретный лазъ, или ходъ въ подземелье. Когда ему нужно было, онъ уходилъ отъ народа за печку, поднималъ тамъ секретную дверцу и спускался въ подземелье. Народъ ждалъ его, потомъ обыкновенно начиналъ искать въ комнатѣ, ходилъ за печку. Но тамъ никого и ничего не видалъ. Всѣ думали, что старецъ незамѣтно ушелъ въ лѣсъ и уходили изъ его хижины. А онъ въ это время молился у себя въ подземельи.

— Вотъ пойдемъ-те за мной сюда.

Пошли, спустились по лѣсенкѣ. Предъ нами стоялъ большой ящикъ, наполненный пескомъ, камнями приблизительно до половины. Въ немъ-то на колѣнахъ и становился на молитву старецъ. Все это помѣщеніе такъ мало, что въ немъ нельзя ни лечь, ни встать. Не дѣлалъ ли и это старецъ Серафимъ въ подражаніе древнимъ подвижникамъ, которые часто молились въ такомъ положеніи, а нѣкоторые даже и свои хижины въ вышину, ширину и длину имѣли меньше нѣсколько своего роста? Въ такихъ хижинахъ, конечно, нельзя было ни встать, ни лечь.

Здѣсь намъ дали по три сухарика, какъ дѣлалъ это въ свое время старецъ.

Сколько опять теплої любви къ людямъ слышится въ этомъ простомъ и убогомъ дарѣ. Послѣднія крохи отдаются людямъ.

— Старецъ Серафимъ никогда не запиралъ своихъ хижинъ,—говоритъ монахъ. Такъ то онъ жилъ.

Переносусь къ древнимъ временамъ и встаютъ предо мною образы великихъ древнихъ подвижниковъ, которые всегда оставляли свои убогія хижины для всѣхъ открытыми. Монахъ—добровольный нищій Христа ради, мертвецъ. Такъ и до сихъ поръ еще гласятъ монашескіе обѣты. А у нищаго

и мертвеца какое можетъ быть имущество? Что у него можно утащить? Что ему нужно скрывать и прятать? Было не мало и русскихъ такихъ иноковъ нестяжателей, подобныхъ древнимъ инокамъ. Такимъ былъ и преп. Серафимъ.

— Вотъ пожалуйста теперь въ пещерку старца,—говорить монахъ.

Идемъ. Спускаемся по лѣсенкѣ съ холма, покрытаго лѣсомъ. Лѣсенка оканчивается на обрывѣ. Видимъ въ землѣ небольшую дверь. Я вошелъ первымъ. Пещерка маленькая и до того тѣсная, что двоимъ въ ней уже трудно стоять. Сюда любилъ старецъ Серафимъ удаляться на молитву. Мнѣ кажется, что и пещерка вырыта была старцемъ не даромъ. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ онъ хотѣлъ подражать и подражалъ древнимъ подвижникамъ-пещерникамъ, жившимъ и спасавшимся въ пещерахъ. Изъ пещеры открывается чудный видъ на долину, поросшую лѣсомъ. Кругомъ царить опять тишина. Только беззаботная птичка по временамъ прилетитъ нарушить эту тишину на нѣсколько минутъ. А потомъ по прежнему все тихо. Какъ глубоко влѣяетъ эта тишина на самособранность и на настроеніе человѣка. Все здѣсь какъ то яснѣе понимается и представляется. Вотъ почему св. отцы удалялись въ пустыни на нѣсколько лѣтъ, гдѣ приготовляли себя къ общественному служенію и такъ глубоко постигали слово Божіе.

— Пойдемъ-те теперь, посмотримъ огородикъ старца.

Идемъ за монахомъ. Недалеко отъ келліи старца видимъ большія гряды съ картофлемъ. Считаемъ. Оказывается, ихъ тринадцать.

— Вотъ грядочки всѣ сдѣланы самимъ преподобнымъ. Здѣсь онъ садилъ картофель и другія нѣкоторыя овощи, которыми и питался самъ нѣсколько лѣтъ. Все отъ своихъ трудовъ нашъ батюшка имѣлъ. Въ монастырь по цѣлымъ годамъ даже ни за чѣмъ и не обращался. По апостолу (14. 12.) все дѣлалъ своими руками, не желая никого обременять.

— Однимъ картофлемъ вѣдь трудно прокормиться,—говоримъ монаху.

— А онъ еще питался травкой сниткой, снитью.

— Что это за трава?—Покажите намъ ее,—говоримъ мы.

— Да трудно больно стало ее теперь находить-то. Бого-

мольцы всю вырываютъ, уносятъ съ собой, — сказали нашъ провожатый.

— Найдите, батюшка, хоть немного.

Пошелъ нашъ старецъ куда то въ чащу и черезъ нѣсколько времени возвратился съ нѣсколькими кустиками этой травы.

— Да какъ же онъ ѣлъ то эту траву?—спрашиваемъ монаха.

— Очень просто. Опускалъ въ кипяченую соленую воду и кушалъ. Да какое хорошее кушанье выходило, особенно если туда положить еще немного сухариковъ. Мы недавно варили ее такимъ то образомъ. Хорошее кушанье.

Пробуемъ траву. На вкусъ она сладковатая. Имѣетъ пріятный запахъ и слегка острый вкусъ. Я захватилъ съ собой нѣсколько вѣтокъ этой травы. По возвращеніи изъ Сарова, я находилъ эту траву во многихъ мѣстахъ. Есть она и у насъ даже въ Академическомъ садикѣ. Монахи бѣдныхъ монастырей мнѣ рассказывали, что эта трава имъ давно извѣстна и что они ее весьма часто употребляютъ. Особенно она хороша въ молодомъ видѣ. Изъ нея варятъ не только щи, но приготавливаютъ даже и хорошее ботвинье.

Долго мы стояли предъ огородикомъ старца, удивляясь простотѣ, мудрости и святости жизни старца. Мысль моя опять переносилась къ древнимъ временамъ, къ временамъ первыхъ христіанскихъ и русскихъ подвижниковъ, когда иноки снискивали себѣ хлѣбъ своими руками. Много было подвижниковъ, которые получали пропитаніе изъ своихъ садиковъ. Таковы Антоній Великій, Иларіонъ Великій и другіе. Припомнились мнѣ слова св. Василія Великаго, сказанныя имъ инокамъ, которыхъ онъ увѣщаль жить дѣлами рукъ своихъ: кто ѣстъ чужой хлѣбъ, хотя бы и молился постоянно, дѣлаетъ только половину дѣла.

Идемъ дальше. Видимъ высокій крестъ. Къ кресту внизу прибита дощечка, на которой объяснено, почему здѣсь поставленъ крестъ. Читаемъ. Оказывается, мы стоимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ некогда старца били воры, надѣясь найти у него много денегъ.

— Нѣтъ у меня денегъ, потому что я ни отъ кого ихъ не беру,—отвѣчалъ разбойникамъ старецъ.

Но ему не повѣрили: потащили волокомъ въ келлію, не

переставая бить его. Думая, что онъ уже умеръ, бросили его. Старецъ не защищался, хотя бы и могъ защищаться, такъ какъ отличался силой и былъ съ топоромъ въ рукахъ.

— Нѣтъ у меня денегъ, потому что я ихъ ни отъ кого не беру...

Какія это чудныя, золотыя слова. Какъ они опять приближаютъ старца Серафима къ древнимъ подвижникамъ. Многіе изъ древнихъ иноковъ не только не имѣли денегъ, но даже умирали, не видавъ ихъ ни разу. Одинъ сенаторъ, ставши монахомъ, не хотя добывать хлѣбъ насущный своими собственными руками, оставилъ у себя нѣчто изъ имущества. Св. Василій Великій сказалъ объ этомъ сенаторѣ-монахѣ: „и сенатора ты потерялъ и монахомъ не сдѣлался“.

У одного монаха послѣ его смерти нашли сто златницъ, которыя онъ добылъ, прядя ленъ. По суду старцевъ монаховъ, онъ лишень былъ погребенія. Монахъ, взявшій отъ мірянина три номисмы, отлучень былъ св. Григоріемъ отъ причастія. Въ обители преп. Феодора Студита умеръ монахъ Василій, оставивши послѣ себѣ два сребренника. Это считалось такимъ грѣхомъ, что въ обители назначена была особая молитва за умершаго. И русскіе иноки держались этихъ древнихъ правилъ. У одного инока въ обители Діонисія Глушицкаго послѣ смерти нашли десять небольшихъ монетъ. Преп. игумень, по примѣру древнихъ подвижниковъ, приказалъ бросить эти деньги въ гробъ умершаго, въ обличеніе ему. Иноки, испуганные страшнымъ зрѣлищемъ, пали къ ногамъ своего учителя и едва умолили измѣнить наказаніе. Деньги вынули изъ гроба и выбросили ихъ вонъ изъ монастыря въ грязное мѣсто, чтобы никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться. Были и другіе подобные примѣры. И какъ понятно все это... Если всякому, желающему быть совершеннымъ, заповѣдано Христомъ Спасителемъ — идти продать свое имѣніе и раздать нищимъ все до послѣдней копейки, то иноку ли, отрекшемуся отъ міра и произнесшему предъ Богомъ и людьми обътъ добровольной нищеты, собирать и копить деньги? Не будетъ ли это возвращеніемъ на „прежнюю блевотину“? „Законъ устъ Твоихъ для меня лучше тысячь злата и серебра“ (Пс. 118, 72),— вотъ что долженъ всегда помнить инокъ.

Долго еще мы бродили кругомъ келліи старца, ища слѣ-

довъ пребыванія здѣсь преподобнаго. Каждое мѣстечко здѣсь у него имѣло особое названіе. Холмъ, на которомъ расположена пустынка старца, названъ имъ Аеономъ. Пустынная мѣстность по своему выѣшнему виду ему напоминала собою священно-историческія мѣста. Поэтому многія изъ нихъ старецъ называлъ по своему. Кромѣ Аеонской горы у него здѣсь были: Іерусалимъ, Назареть, Виелеемъ, рѣка Іорданъ, горы Ѡаворъ, Голгоѳа, Елеонъ и др. Видимо, мысли старца витали въ далекомъ прошломъ и такъ были сроднены глубоко и живо съ этимъ прошлымъ, что все окружающее будило въ немъ священныя воспоминаія, переносило мысль къ Тому, Кто освятилъ эту мѣста своими подвигами. Старецъ любилъ читать на каждомъ изъ этихъ мѣсть соотвѣтствующія имъ мѣста изъ Евангелія, и далекое прошлое какъ бы снова проходило предъ его глазами.

Чтеніе Евангелія о рожденіи Христа Спасителя онъ любилъ прочитывать на мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ Виелеема. Это чтеніе настолько оживляло въ немъ священно-историческія воспоминаія, такъ умиляло его, что онъ обыкновенно заканчивалъ чтеніе Евангелія восторженнымъ пѣніемъ ангельской пѣсни: „слава въ вышнихъ Богу“... На берегу рѣчки Саровки, извѣстной для старца подъ именемъ рѣчки Іордана, прочитывалось Евангеліе о проповѣди Іоанна Предтечи, Крещеніи Христа Спасителя, о призывѣ всѣхъ людей къ покаянію. При этомъ старецъ проливалъ горькія слезы о людскихъ грѣхахъ и людскихъ заблужденіяхъ. На Ѡаворѣ читалъ Евангеліе о Преображеніи, на Елеонѣ о вознесеніи и т. д. Какъ хотѣлось бы хоть нѣсколько минутъ присутствовать при этомъ воодушевленномъ чтеніи, такъ живо воскрешавшемъ предъ св. старцемъ дорогіе и святѣйшіе евангельскіе образы.

Любопытно, старецъ Серафимъ постоянно носилъ въ своей котомкѣ Евангеліе. И въ данномъ случаѣ онъ напоминалъ собою древнихъ подвижниковъ, изъ которыхъ многіе постоянно носили съ собою Евангеліе и каждодневно читали его.

Въ молитвѣ проходили здѣсь дни и годы старца. Молитвой старца здѣсь освящено и одухотворено каждое мѣсто.

Къ молитвеннымъ трудамъ присоединялись и другіе многіе труды. Безропотно переносилъ онъ здѣсь много различныхъ лишеній. Терпѣливо переносилъ одиночество. Переносилъ ноч-

ные страхи, какіе такъ естественно испытывать человѣку въ дремучемъ лѣсу среди непроглядной тьмы ночи. Пройдетъ, прокричитъ звѣрь, сломится вѣтка, залумитъ буря въ лѣсу, грянетъ громъ, ливень забарабанитъ въ окна убогой хижини, — все пугало и наводило страхъ. Кромѣ этихъ естественныхъ страховъ было не мало и необычайныхъ. О. Серафимъ иногда слышалъ за стѣнами своей келліи страшный вой какого то необыкновеннаго звѣря. Иногда точно скопище народа ломилось къ нему въ двери. Иногда казалось, что топорами и баграми разбиваютъ его келлію, все потрясается отъ ударовъ и келлія кажется вотъ, вотъ рухнетъ... Однажды какая то сила выбила косяки у двери и къ ногамъ молившагося угодника упалъ громадный кряжъ дерева, который на другой день едва вынесли восемь человѣкъ. Иногда казалось ему, что келлія рушится на четыре стороны и къ нему рвутся дикіе звѣри. Разъ онъ былъ поднятъ на воздухъ и съ такою силой брошенъ на землю, что если бы не ангель-хранитель, то всѣ кости его сокрушились бы отъ паденія. Но все смиренно переносилъ св. старецъ. Не ушелъ онъ съ своего поста, что ни случилось съ нимъ.

Терпѣливо несъ онъ и труды, которые были необходимы для пропитанія себя, поддержанія своей хижини и т. д. Въ холодную пору нужно было отапливать келлію. Старецъ своими руками заготовлялъ въ лѣсу дрова, носилъ ихъ въ свою хижину, согрѣвалъ ее. Лѣтомъ воздѣлывалъ въ своей пустынь огородъ: копалъ гряды, удобрялъ землю, сѣялъ, садилъ, очищалъ землю отъ сорныхъ травъ, поливалъ. Чтобы удобрить землю, онъ ходилъ въ жаркіе дни на болотистыя мѣста. Тамъ собиралъ мохъ и носилъ его на свои гряды. Такъ какъ въ низменныя мѣста онъ входилъ безъ одежды, препоясавъ лишь чресла свои, то насѣкомыя жестоко уязвляли тѣло его, такъ что по мѣстамъ оно синѣло и запекалось кровію. Старецъ терпѣлъ все, взирая на подобное же терпѣніе древнихъ и новыхъ подвижниковъ. Во время работы въ лѣсу однажды онъ былъ придавленъ деревомъ. Вслѣдствіе этого потерялъ свою естественную прямогу и стройность и сталъ согбеннымъ. Заставали его и за собираніемъ щепокъ и притомъ не для себя, а для другихъ.

— Св. отцы благословили меня собирать щепки для сиротъ Дивѣевскихъ, придетъ зима, нужно будетъ имъ то-

пить печки.—Такъ говорилъ онъ одной изъ инокинь, заставшей его за этой работой.

Когда одинъ Владыка подъѣзжалъ къ келліи старца, то о. Серафимъ сидѣлъ у берега ручейка, протекавшаго возлѣ келліи, и укладывалъ камни по берегу ручья. На вопросъ Владыки, что онъ тутъ дѣлаетъ, старецъ отвѣчалъ:

— Камешками берегъ выкладываю, чтобы вода берега не подмывала.

Трудясь самъ, и другимъ великій старецъ настойчиво заповѣдалъ трудиться. Инокинямъ Дивѣевскимъ указалъ трудиться на мельницѣ, успѣвать въ руководѣльяхъ, особенно такихъ, которыя удовлетворяли монастырскимъ потребамъ и наиболѣе были свойственны простому народу. Свою заповѣдь о необходимости трудиться онъ основывалъ на преданіяхъ древнихъ подвижниковъ и въ особенности на уставѣ иноческомъ, написанномъ св. Василиемъ Великимъ.

Впрочемъ, старецъ просилъ всѣхъ трудиться не для наживы и „сквернаго прибытка“, а главнымъ образомъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей и нуждъ ближнихъ. Да и этотъ трудъ у него болѣе походилъ на молитву, чѣмъ на трудъ. При всякихъ занятіяхъ старецъ строго совѣтовалъ держаться правила: „дѣло въ рукахъ, а молитва въ устахъ“. И самъ онъ прежде всего въ своей жизни оправдывалъ это мудрое правило. Физическій трудъ часто былъ для него лишь средствомъ перехода отъ земли къ небу, отъ творенія къ Творцу. Нерѣдко замѣчали, что во время работы вдругъ лопата или топоръ или какое другое орудіе выпадали изъ его рукъ, лице принимало молитвенно-восторженное выраженіе, онъ стоялъ неподвижно, забывъ свой трудъ, полный ужъ неземныхъ думъ и небесныхъ созерцаній. При этомъ онъ такъ самоуглублялся и отрѣшался отъ всего посторонняго, что даже не замѣчалъ окружающаго. Случалось, что приходившіе къ старцу заставляли его въ такомъ положеніи. Старецъ не видалъ ихъ, и они, прождавъ нѣсколько часовъ, уходили отъ него незамѣченными имъ. Свой трудъ часто онъ сопровождалъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній и псалмовъ. Какъ одухотворялся этотъ механический трудъ и какъ онъ легокъ былъ для старца. Если бы всѣ съ такими мыслями и думами трудились, то какъ бы былъ легокъ ихъ трудъ, какъ сократились бы тѣ

ужасы, какими теперь сопровождается тамъ и здѣсь трудъ человѣка...

Терпѣль старецъ Серафимъ немало и благодаря скудости своей одежды. Одежда его была самая простая и убогая. Ее онъ никогда не мѣнялъ. На головѣ была поношенная камилавка, на плечахъ балахонъ изъ бѣлаго полотна, руки въ рукавицахъ, ноги были обуты въ кожаныя бахилы, поверхъ которыхъ надѣвались еще лапти. На балахонѣ висѣлъ крестъ, тотъ самый, которымъ благословила его благочестивая мать, отпуская изъ дому. За плечами всегда была сумка. Въ ней подвижникъ неразлучно носилъ Евангеліе. Въ такой одеждѣ немало приходилось св. пустынноику страдать отъ холода, морозовъ, дождей, вѣтровъ и т. д.

Но этимъ не удовлетворялся св. старецъ. Онъ еще увеличивалъ свои подвиги. Сумка, что онъ носилъ за плечами, часто грузно была наполнена пескомъ и камнями. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, то старецъ отвѣчалъ:

— Томлю томящаго мя.

Скудна была и трапеза старца. Сначала онъ питался въ пустынѣ черствымъ хлѣбомъ, который обыкновенно бралъ въ обители по воскресеньямъ разъ въ недѣлю. И изъ этой недѣльной порціи часть удѣлялъ пустыннымъ животнымъ и птицамъ. Приласканные старцемъ, они очень любили его и посѣщали мѣсто его молитвенныхъ подвиговъ. Въо-слѣдствіи старецъ приучилъ свое тѣло къ такому воздержанію, что не сталъ ѣсть и черстваго хлѣба, питаясь одними овощами изъ своего огорода: картофлемъ, свеклой, лукомъ, снитью. Такъ въ теченіе двухъ лѣтъ старецъ болѣе ничего не бралъ отъ обители. Зимой онъ питался сухой сниткой, которую собиралъ въ теченіе лѣта. На первой недѣлѣ совершенно ничего не ѣлъ. Въ обыкновенное время часто и скудную пищу вкушалъ не каждый день. Большею частію онъ трапезовалъ въ день однажды.

Спалъ мало. Притомъ спалъ или на мѣшкахъ съ пескомъ, камняхъ, дровахъ, или просто на полу, спалъ часто сидя, прислонившись къ стѣнѣ, и протянувши ноги. Иногда онъ становился на колѣни, падалъ ницъ и, поддерживая локтями голову, спалъ въ такомъ положеніи.

Не будемъ говорить о другихъ подвигахъ, какимъ св. старецъ предавался въ своей пустынѣ. Подавленные и тѣмъ,

что видѣли, полные глубкихъ думъ и чувствъ, мы направились въ обитель. Все, видѣнное здѣсь такъ глубоко запало въ душу, такими неизгладимыми чертами записано на скрижаляхъ сердца, что не будетъ забыто никогда въ жизни. Подвиги св. старца въ пустынкѣ будутъ освѣщать каждый жизненный шагъ впереди. Они отнынѣ станутъ живымъ укоромъ, когда жизнь будетъ отклоняться въ сторону отъ древне-иноческихъ завѣтовъ.

V.

Мы такъ много потрудились сегодня, что не грѣхъ было и отдохнуть. Шелъ уже 12-й часъ дня, а мы встали въ два часа ночи и были почти все время на ногахъ. Да и немного теперь намъ осталось уже осмотрѣть. Мы не были только въ келліи старца, въ которой онъ жилъ въ монастырѣ и въ которой почилъ отъ трудовъ своихъ, предавъ свой безсмертный духъ Богу. Къ вечеру мы собрались въ келлію старца Серафима.

Келлія представляетъ собою небольшую комнату въ два окна съ низкимъ потолкомъ и голландской печкой съ лежанкой, помѣстившейся въ углу. Необыкновенно просто и теперь все здѣсь. А при старцѣ и еще проще было. Строго говоря, въ келліи не было никакой обстановки. Напрасно бы мы стали здѣсь искать ковровъ, мебели, различныхъ бездѣлушекъ. Ничего этого здѣсь не было. Ограниченіе во внѣшнихъ удобствахъ были доведены старцемъ до крайней степени. Если бы мы вошли сюда при немъ, то увидали бы слѣдующее.

Въ переднемъ углу висѣла св. икона. Предъ ней теплилась лампада. У стѣны стоялъ небольшой столъ работы самого старца; а предъ столомъ обрубокъ дерева, замѣнявшій старцу стулъ. Вотъ и вся обстановка комнаты. Какъ дѣйствительно все просто и убого здѣсь. Глядя на поразительную простоту келейной обстановки, я опять невольно мысленно переносился къ временамъ первоподвижниковъ иноковъ. Какое поразительное сходство было у старца Серафима съ ними и въ этомъ отношеніи. Сравнивая его въ данномъ случаѣ съ ними, я думалъ, что какъ будто онъ жилъ не въ наше время, а въ томъ далекомъ прошломъ, которое предъ нами всегда рисуется въ такомъ чудномъ свѣтѣ...

15 лѣтъ старецъ провелъ въ лѣсномъ уединеніи. Теперь же, по постановленію братіи, долженъ былъ вернуться въ обитель. Смиренно и покорно подчинился старецъ волѣ братіи. Ни слова ропота, ни одной жалобы ни на кого. Возвратившись изъ своихъ пустынокъ въ обитель, онъ и здѣсь, среди множества братіи обители и множества богомольцевъ, съумѣлъ устроить такую „пустыню“ себѣ, которая, кажется, была еще строже лѣсной. Старецъ рѣшилъ затвориться, уйти въ затворъ. Принимая на себя и этотъ новый видъ подвижничества, онъ очевидно подражалъ древнимъ подвижникамъ-затворникамъ.

Затворъ былъ весьма строгій. Нигдѣ болѣе старецъ Серафимъ теперь не появлялся: ни въ храмѣ, ни въ трапезной, ни на дворѣ монастырскомъ. Никто почти изъ братіи не видалъ болѣе его, какъ будто бы онъ умеръ или ушелъ куда въ далекія страны. Затворившись, старецъ отдался, кажется, еще болѣе строгимъ подвигамъ поста и молитвы, чѣмъ какимъ онъ предавался, живя въ своихъ пустынкахъ. Трапеза его состояла изъ небольшого количества хлѣба, толкна и рубленной капусты. Пилъ онъ только воду. Пищу и питье приносилъ старцу одинъ изъ живущихъ по сосѣдству съ нимъ братъ. Подошедши къ келліи, братъ громко читалъ молитву и ставилъ принесенное у двери. Старецъ, закрывъ лице и голову полотномъ, стоя на колѣнахъ, принималъ принесенное и уносилъ его въ комнаты, не говоря ни слова. Подкрѣпившись пищею, онъ ставилъ посуду на прежнее мѣсто, опять не сказавши ни одного слова и не смотря на лице принесшаго. Бывали дни, когда затворникъ не выходилъ на молитву приносившаго трапезу и тотъ, постоявши нѣсколько времени у дверей старца, уходилъ обратно. Такимъ образомъ затворникъ лишалъ себя и той скудной пищи, какой питался. Иногда это повторялось нѣсколько дней подъ рядъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ постоянно причащался св. Таинъ, которыя приносилъ ему въ келлію очередной іеромонахъ.

Спать онъ мало. Постели никакой не имѣлъ. Спалъ иногда сидя на полу, иногда лежа на кирпичяхъ, камняхъ, полѣньяхъ дровъ. Одежда его была такъ же убога и ничетна, какъ и прежде. У келліи стоялъ гробъ, въ которомъ онъ и былъ погребенъ впоследствии. Много времени прово-

диль онъ у гроба, полный глубокихъ думъ, восторженныхъ молитвъ и созерцаній.

Не оставлялъ старецъ внѣшнихъ трудовъ и въ это время. Объ этомъ совершенно случайно стало извѣстно слѣдующее.

Однажды утромъ одинъ послушникъ всталъ ранѣе обыкновеннаго и отправился на монастырское кладбище. Среди памятниковъ онъ замѣтилъ человѣка, который быстро двигался съ мѣста на мѣсто. Всматриваясь пристальнѣе, послушникъ увидѣлъ, что это старецъ Серафимъ переносить дрова съ одного мѣста на другое. Обрадовавшись случаю видѣть затворника, послушникъ упалъ къ ногамъ старца и, цѣлуя ихъ, просилъ благословенія у старца. Старецъ поспѣшилъ удалиться въ келлію. Эти ночные труды онъ повторялъ часто, стараясь остаться незамѣченнымъ кѣмъ либо изъ братіи.

Тѣсна была новая пустыня старца. Не было въ ней того простора, какимъ пользовался онъ, живя среди Саровскихъ лѣсовъ. Не было здѣсь любимыхъ имъ мѣстъ. Нельзя было болѣе заниматься огородикомъ. Нельзя восхищаться красотами природы и славить за нихъ Творца. Не видно было здѣсь лица человѣческаго. Небольшая комната въ два окна—вотъ весь просторъ старца...

Какъ тѣсна была бы эта хижина для многихъ. Какъ многіе бѣжали бы изъ нея, будучи не въ состояніи жить въ такой обстановкѣ. Вѣдь это хуже „каменнаго мѣшка“. Но не тѣсно было въ ней старцу, такъ какъ онъ былъ здѣсь съ Богомъ. А кто съ Богомъ, для того открытъ весь міръ, небо, подземныя царства, прошедшіе и грядущіе вѣка. Предъ тѣмъ—все человѣчество въ такой наготѣ, въ какой оно не представляется взору различныхъ бытописателей и нравописателей. Предъ нимъ—глубины сердца человѣческаго со всѣми его тайнами и загадками, со всѣми тонкими и едва уловимыми движеніями въ сторону добра и зла. Предъ нимъ—судьбы человѣчества. Скрытый и отгороженный отъ міра стѣнами, не видя міра и людей, онъ такъ знаетъ и видѣлъ его, какъ не знали и не видѣли его люди, жившіе въ мірѣ постоянно и изучавшіе мельчайшія явленія частной и общественной жизни. И мы переживаемъ въ своей жизни временами моменты какого-то необыкновенно широкаго прозрѣнія въ окружающую насъ жизнь, прозрѣнія въ тайники жизни, тайники души, когда

все непонятное озаряется необыкновеннымъ свѣтомъ. Намъ тогда какъ бы обвѣваетъ горній міръ. На насъ какъ бы нисходитъ горняя премудрость или вѣстникъ небесъ. Но какъ рѣдки бываютъ эти минуты въ нашей жизни. Пустыня же старца почти совсѣмъ не имѣла другихъ минутъ. Тамъ не было почти иного времени...

Около пяти лѣтъ провелъ старецъ Серафимъ въ такомъ строгомъ затворѣ. Какъ много времени... Представляя мысленно хотя только отчасти подвигъ старца за это время, поражаешься величіемъ его. Нынѣ часто можно видѣть, какъ люди не могутъ пробыть и пяти лѣтъ на одномъ мѣстѣ, пользуясь всѣми удобствами жизни, не неся подъ часъ ровно никакихъ подвиговъ—ни большихъ, ни малыхъ. Наши души наполняетъ смущеніемъ и самое малое стѣсненіе въ жизни. Ничтожныя испытанія мы превращаемъ въ грандіозныя и готовы тогда смотрѣть на себя, какъ на мучениковъ временъ золотого первохристіанства...

Стоя въ келліи старца, я старался хотя только отчасти воспроизвести его внутреннюю жизнь, какою онъ жилъ здѣсь. Но стѣны, бывшія свидѣтелями его подвиговъ, не говорили ничего. Мало знаютъ объ этихъ подвигахъ и жившіе рядомъ со старцемъ. Такъ онъ умѣлъ дѣлать великое доброе и святое скрытно отъ глазъ человѣческихъ.

Онъ совершалъ у себя въ келліи всѣ службы каждодневно. Молился, упражнялся въ умной молитвѣ. Иногда, погружаясь въ созерцаніе Бога, простаивалъ по нѣсколько часовъ предъ иконой, не произнося ни одного слова, не сдѣлавъ ни одного движенія. Занимался чтеніемъ св. Писанія. Нерѣдко, при чтеніи словъ Христа, его душа такъ воспламенялась, что онъ начиналъ читать вслухъ и объяснять прочитанное. Объясненіе было такъ громко, что посторонніе подходили къ дверямъ его келліи и, стоя въ стѣняхъ, по нѣскольку часовъ съ умиленіемъ слушали его объясненіе.

Не разъ Господь награждалъ его здѣсь, за его подвиги, видѣніями, откровеніями, наполняя его сердце неземнымъ миромъ. Объ этихъ минутахъ самъ старецъ говорилъ своимъ близкимъ ученикамъ:

— Я усладился словомъ Господа Моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: „въ дому Отца Моего обители мнози суть“, т. е. для тѣхъ, которые служатъ и прославляютъ имя

Его святое. На этихъ словахъ Христа Спасителя, я убогій, остановился и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители и Господь не лишилъ меня, убогаго, Своей милости. Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе. Я былъ восхищенъ въ эти небесныя обители, только не знаю съ тѣломъ или безъ тѣла. Богъ вѣсть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ невозможно...

Подъ конецъ своей жизни старецъ побѣдилъ въ себѣ все земное и страстное. Онъ сталъ ангеломъ во плоти, и въ тѣлесномъ видѣ чистымъ духомъ. Сама Богоматерь сказала о немъ: „Онъ нашего рода“. И самъ онъ часто говорилъ, что теперь уже умеръ плотію. На гробъ, который стоялъ въ его сѣняхъ, онъ взиралъ безтрепетно, прозрѣвая за предѣлами гроба не мракъ и мученія, а бесконечно радостное, вѣчное общеніе съ Источникомъ всякаго свѣта и всякаго знанія. Гробъ не смущалъ его, какъ онъ смущаетъ многихъ, наполняя души ихъ страхомъ и трепетомъ.

— Тамъ лучше, лучше, лучше,—говорилъ обыкновенно онъ. Давши обѣтъ при вступленіи въ обитель быть вѣрнымъ Богу до послѣдняго вздоха, старецъ въ теченіи всей жизни ни на минуту не забылъ Бога. Даже смерть не заставила его забыть Того, Кому онъ такъ нелѣпно служилъ всю свою жизнь. Св. старецъ померъ, стоя колѣнопреклоненный на молитвѣ, со скрещенными крестообразно руками на груди, съ закрытыми глазами. Увидавшіе его въ такомъ положеніи сначала думали, что онъ не умеръ, а только спитъ. Но его въ дѣйствительности уже не стало... Какъ трогательна кончина праведника...

VI.

Такъ жилъ св. старецъ для Бога. Но жизнь для Бога не можетъ не быть въ то же самое время и жизнью для людей, для ближнихъ. Нельзя любить Бога, не любя дѣятельной любовью ближнихъ. Да и къ Богу мы восходимъ черезъ любовь къ ближнимъ (Дороей). Самъ старецъ говорилъ:

— Всякому, желающему проходить жизньъ духовную, должно начинать отъ дѣятельной жизни, а потомъ уже приходитъ и въ умосозерцательную: ибо безъ дѣятельной жизни въ умосозерцательную придти невозможно“.

И Христось Спаситель заповѣди о любви къ Богу и ближ-
нему поставилъ рядо́мъ, сказавши, что больше этихъ запо-
вѣдей нѣтъ и не можетъ быть для человѣка. Такъ учили и
Его св. Апостолы. Ап. Іаковъ пишетъ: „что пользы, братія
мои, если кто говорить, что онъ имѣеть вѣру, а дѣлъ не
имѣеть? Можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или
сестра наги и не имѣють дневнаго пропитанія, а кто-ниб.
изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и пи-
тайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы?
Такъ и вѣра, если не имѣеть дѣлъ мертва сама по себѣ.
(Іак. 2, 14—17). Ты вѣруешь, что Богъ одинъ: хорошо дѣ-
лаешь; и бѣсы вѣрують и трепещуть. Но хочешь ли знать,
неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва?
(—19—20). Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ
и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ
скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра. (—1,
27). Судь безъ милости не оказавшему милости“ (—2, 13).
Отсюда благочестіе на словахъ, по Апостолу, есть лишь
„пустое благочестіе“. (—1, 2 6). Такъ же учили и другіе
св. Апостолы. Апостоль Іоаннъ, пишетъ: „кто говорить:
люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не
любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ лю-
бить Бога, Котораго не видитъ“ (Іоан. 4, 20). Отсюда его
постоянныя увѣщанія братіи: „возлюбленные! будемъ любить
другъ друга“ или: „мы должны любить другъ друга“. Отсюда
понятны и слѣдующія его слова: „если мы любимъ другъ
друга, то Богъ въ насъ пребываетъ“ (—4, 12). Такимъ об-
разомъ любовь къ Богу и ближнему нераздѣльны и нераз-
лучны: любить Бога значитъ въ то же время и любить ближ-
няго. Апостоль Павелъ поставляетъ любовь выше даже дара
чудотвореній, пророчествъ, мученичества, выше вѣры и на-
дежды, выше всего. Упразднитея со временемъ вѣра и на-
дежда, но любовь никогда. И за гробомъ, цѣлую вѣчность,
она будетъ лежать въ основѣ жизни св. людей (1 Кор. 13, 13).

И жизнь старца Серафима была не только жизнью для
Бога, но и жизнью для блага ближнихъ. Даже подвиги то
его, сокрытыя отъ глазъ людскихъ, были „тщательнымъ
приготовленіемъ къ великому дѣлу ученія ближнихъ“. Слу-
женіе старца ближнимъ и словомъ и дѣломъ такъ об-
ширно, что не исчерпать его и въ цѣлыхъ большихъ то-

махъ. Не только самъ онъ служилъ ближнимъ, но и собратьевъ своихъ иноковъ призывалъ къ тому же. Какими золотыми словами на скрижаляхъ сердца всѣ должны записать, наприм., слѣдующія слова старца. Одному подвижнику старецъ говорилъ:

— Сѣй, отецъ Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй на пескѣ, на камени, при пути, сѣй и въ тернѣ: все гдѣ-ниб. да прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. Данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будешь отъ своего господина, но отдавай его торжникамъ, пусть куплю дѣють.

Но не всѣ изъ иноковъ вмѣщали это слово св. старца. Нѣкоторымъ казалось, что это служеніе несомвѣстимо съ монашескими обѣтами и они жили прежнею жизнію, которую называли созерцаніемъ, но которую въ дѣйствительности нужно назвать совершенно другимъ названіемъ... Многіе изъ иноковъ не только не слѣдовали въ данномъ случаѣ примѣру св. старца, но и еще нападали на него, осуждая его всячески за то святое дѣло, какое онъ дѣлалъ. И не только осуждали, — упрекали и порицали... Какъ понятно все это. Развѣ и нынѣ мы не видимъ подобныхъ же примѣровъ?..

— Тебя много беспокоятъ обоихъ половъ люди, и ты пускаешь къ себѣ всѣхъ безъ различія,—говорить ему одинъ изъ братіи.

Оправдывая себя отъ пустого нареканія, старецъ привелъ въ примѣръ св. Иларіона великаго, который не велѣлъ затворять дверей ради странниковъ. Старецъ говорилъ:

— Положимъ, что я затворю двери моей келліи. Приходящіе къ ней, нуждаясь въ словѣ утѣшенія, будутъ заклинать меня Богомъ отворить двери и, не получивъ отъ меня отвѣта, съ печалію пойдутъ домой... Какое оправданіе я могу тогда принести Богу на страшномъ судѣ Его?

„Отсюда видно,—совершенно справедливо пишетъ составитель житія старца,—отецъ Серафимъ считалъ пріемъ къ себѣ всѣхъ приходящихъ дѣломъ совѣсти, обязательствомъ жизни, въ которомъ Богъ потребуетъ отъ него отчета на судѣ“.

— Тобой нѣкоторые соблазняются,—укоризненно замѣчаетъ ему другой инокъ.

— Но я не соблазняюсь ни тѣмъ, что мною одни пользуются, ни тѣмъ, что другихъ это соблазняетъ,—кротко отвѣчалъ старецъ.

— Что ты все всѣхъ учишь?, -- замѣчаетъ ему третій инокъ.

— Я слѣдую ученію Церкви, которая поетъ: „не скрывай словесъ Бога, но возвѣщай Его чудеса“,—отвѣчалъ старецъ.

Игуменъ Нифонтъ, уважая старца за его подвиги, говоритъ ему, что братія не одобряетъ пріема старцемъ людей того и другого пола. „Особливо, — говорилъ онъ, — соблазняются тѣмъ, что ты оказываешь милостивое попеченіе сиротамъ дивѣвскимъ“.

Вслушавши эти слова, старецъ упалъ въ ноги о. игумену, прося его не предаваться на будущее время ложнымъ внушеніямъ и не принимать отъ братіи всякаго слова безъ разсужденія. Старецъ говорилъ:

— Ты — пастыръ, не позволяй же всѣмъ напрасно говорить, беспокоить себя и путниковъ, идущихъ къ вѣчности. Ибо слово твое сильно, и посохъ, какъ бичъ, для всѣхъ страшенъ.

Соблазнялись поведеніемъ старца даже нѣкоторые изъ мірянъ и оскорбляли его. Однажды старецъ сидѣлъ съ 16-лѣтней дѣвицей, очень хорошо одѣтой. Проходящій мимо крестьянинъ соблазнился.... Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ хотя что-ниб. сказать, какъ старецъ сказалъ ему:

— Я ко всему мертвъ, а ты что думаешь?..

Крестьянинъ упалъ въ ноги старцу и покаялся въ своемъ грѣхѣ.

Такъ трудно было старцу Серафиму выступать на служеніе ближнимъ. Нужно было имѣть большое знаніе духа св. Писанія, святоотеческихъ твореній, чтобы устоять противъ братіи и остаться вѣрнымъ своему священному долгу или, лучше сказать, основной заповѣди Христа Спасителя. Когда другіе ничего не дѣлали и не хотѣли дѣлать для ближняго, старецъ всетаки проповѣдывалъ любовь къ ближнему.

— Мы должны любить ближняго не менѣе, какъ самихъ себя, по заповѣди Господней: „возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе“,--говорилъ онъ. Любовь къ ближнему не должна только выходить изъ границъ умѣренности и отвлекать насъ отъ исполненія первой обязанности, т. е. любви

Божией... „Люби ближняго—онъ плоть твоя“,—часто говорилъ старецъ. И не на словахъ только нужно любить ближняго, а и самымъ дѣломъ. Слово одно безъ дѣла—пустой звукъ. Вотъ его заповѣдь въ данномъ случаѣ:

— Должно быть милостиву къ убогимъ и страннымъ; о семъ много пеклись великіе свѣтильники и отцы Церкви. Въ отношеніи сей добродѣтели мы должны всѣми мѣрами стараться исполнять слѣдующую заповѣдь Божию: „будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“ (Лк. 6, 36), также: „милости хочу, а не жертвы“ (Мѣ. 9, 13). Примѣръ Петра Хлѣбодара, который за кусокъ хлѣба, поданный нищему, получилъ прощеніе во всѣхъ его грѣхахъ, какъ это было ему показано въ видѣніи,—да подвигнетъ насъ къ тому, чтобы и мы были милостивы къ ближнимъ: ибо и малая милостыня много способствуетъ къ полученію царства небснаго. Творить милостыню мы должны съ душевнымъ благорасположеніемъ. По ученію св. Исаака Сирина, „аще даси что требующему, да предваритъ даяніе твое веселіе лица твоего и словеса благими утѣшай скорбь его“. Симъ спасительнымъ словамъ мудрые внимаютъ, а неразумные не внимаютъ. Оттого и награда неодинакова, какъ сказано: „сѣющіи скудостію, скудостію и пожнутъ; сѣющіи же о благословеніи, о благословеніи и пожнутъ“ (2 Кор. 9, 6).

Весьма замѣчателенъ отзывъ св. старца объ этомъ только словесномъ наученіи другихъ, которое съ такой охотой любить многіе расточать вездѣ и всюду. Старецъ говорилъ:

— Учить другихъ только словомъ — то же, что съ высокой колокольни бросать камни внизъ, на землю. А самому исполнять то, чему учишь другихъ—то же, что въ мѣшкѣ на спинѣ камни носить на высокую колокольню наверхъ.

Св. старецъ никогда не отступалъ въ своей жизни отъ того, что проповѣдывалъ другимъ. „Всѣхъ онъ встрѣчалъ съ необычайной лаской, необыкновенно привѣтливо и участливо. Кто бы къ нему не обращался: богатъ ли, знатный ли вельможа въ пышномъ одѣяніи, или бѣднякъ въ рубищѣ, искатель ли высшей истины, или отягченный грѣхомъ преступникъ,—онъ всѣхъ, привѣтствуя лобзалъ, всѣмъ кланялся до земли и, благословляя, самъ цѣловалъ руки каждому“. Цѣловалъ иногда даже одежду пришедшаго, хотя бы она была

ветха и убога. Многихъ обнималъ. А кто не знаетъ его трогательнаго, нѣжнаго, ласковаго обращенія къ каждому:

— Ну, радость моя... Матушка, батюшка...

Встрѣчавшіеся со старцемъ говорили, что они чувствовали истинно-родственную любовь, а не обычную привѣтливость только. Не вѣяло отъ него замогильнымъ холодомъ, не суровъ былъ его взгядъ... Нѣтъ, поразительно глубока и нѣжна была любовь старца къ людямъ.

Сколько передается въ печати разказовъ объ этихъ чувствахъ старца. Кажется, имъ конца нѣтъ. „Не забыть мнѣ, пишетъ одна женщина, какъ однажды, помолившись со мной передъ образомъ Богоматери, положилъ мнѣ на голову свои теплыя руки и я почувствовала, какъ вдругъ по всему моему тѣлу пробѣжала какая-то оживляющая сила. Когда я подняла свой благоговѣйный взоръ на о. Серафима, то замѣтила, что онъ слезно плачетъ... и слеза его скатилась на мое чело. Можетъ быть, это сожалѣніе ко мнѣ... Но я не смѣла его спросить объ этомъ.

— Иди, дитя мое, съ миромъ,—сказалъ онъ мнѣ,—и благословилъ меня въ путь...

Какая нужна была великая внутренняя сила, чтобы устоять на этомъ пути живой, горячей любви къ людямъ со всѣми ихъ недостатками и недостатками. Попробуйте пережить съ каждымъ всѣ его паденія и возстанія, вдохнуть жизнь почти уже въ омертвѣвшую совсѣмъ душу,— и вы узнаете, что это за величайшій подвигъ. А у келліи старца сколько такихъ душъ собиралось... Съ восьми часовъ утра и до поздней ночи у него продолжался пріемъ посѣтителей. Монастырскія ворота, обыкновенно запиравшіеся съ вечера, теперь не было никакой возможности закрыть до полуночи и далѣе. Народъ толпился, жаждалъ видѣть св. старца, получить отъ него благословеніе. За послѣдніе десять лѣтъ болѣе 2000 человекъ въ день бывало у старца Серафима. И никто изъ посѣтителей старца не выходилъ безъ утѣшенія: ни богачи, ни вельможи, ни ученые, ни бѣдняки, ни простолюдины. Для всѣхъ и cadaго у него было мудрое наставленіе и благодатное утѣшеніе. Онъ умѣлъ обласкать cadaго, умѣлъ каждому сказать участливое и ласковое слово. Въ своей отеческой бесѣдѣ никого не поражалъ строгимъ выговоромъ или жестокими укоризнами. Слово

любви и теплаго участія, проникая въ душу слушающаго, будило въ немъ совѣсть и лучшія чувства и неудержимо влекло его на путь добра и свѣта. Многіе самыя холодныя люди не удерживались при этомъ отъ слезъ.

Какъ хотѣлось бы мнѣ посмотре́ть на старца, какъ онъ окруженный громадными толпами народа, идетъ по лѣсу, благовѣствуя на пути правду Божію, уча людей жить въ мирѣ со всѣми, переносить терпѣливо всякія житейскія невзгоды, побѣждать добро зломъ...

Не было ни одной скорби человѣческой, съ которой, кажется, не приходили къ старцу Серафиму. Случилась бѣда. Къ кому идти, какъ не къ старцу Серафиму? Кто приметъ, выслушаетъ, поможетъ, совѣтъ дастъ? Старецъ Серафимъ. Для кого всѣ люди какъ бы родные братья, а не чужіе? Для старца Серафима. Въ чьемъ сердцѣ злодѣи и праведникъ найдутъ теплый уголокъ? Въ сердцѣ св. старца. Онъ былъ не только нѣжнымъ отцомъ по отношенію ко всѣмъ приходящимъ къ нему, но и самую нѣжную матерію. Вотъ почему всѣ спѣшили къ нему изъ-за сотенъ верстъ, изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ русской земли. Заболѣлъ ли кто, тоска ли по умершемъ сынѣ гложетъ мать, происходитъ ли какая семейная неурядица, нуждаются ли люди въ какой видимой помощи, всѣ идутъ къ старцу Серафиму. Достаточно хотя бѣгло посмотре́ть одни только сказанія о чудесахъ старца, чтобы видѣть, съ какими нуждами не спѣшили русскіе люди къ своему сердобольному старцу. И никому ни въ чемъ не отказывалъ онъ. Приходили къ старцу даже съ такими нуждами.

Такъ однажды прибѣжалъ въ обитель простой крестьянинъ, съ шапкой въ рукахъ, съ растрепанными волосами, въ отчаяніи со слезами спрашивая у встрѣчныхъ иноковъ:

— Батюшка, ты что ли, отецъ Серафимъ?..

Ему указали старца Серафима. Упавъ къ ногамъ старца, онъ со слезами говорилъ:

— Батюшка, у меня украли лошадь, и я теперь безъ нея совсѣмъ нищій. Чѣмъ же я буду кормить свою семью?

Отецъ Серафимъ ласково, съ любовью взялъ его за голову и, приложивъ къ своей головѣ, сказалъ:

— Огради себя молчаніемъ, поспѣши въ такое-то село, пройди четыре дома и направо отъ дороги увидишь ка-

литку, войди въ нее. У колоды увидишь свою лошадь, привязанную. Отвяжи и выведи молча.

Крестьянинъ съ радостью побѣждалъ по указанію старца и нашель свою пропавшую кормилицу-лошадь.

Вотъ даже съ какими нуждами шли русскіе набожные люди къ старцу Серафиму. Такъ десятки тысячъ людей перебывали у старца и всѣ пошли отъ него не даромъ. Никого не отпустилъ онъ отъ себя безъ слова утѣшенія и назиданія.

Говоря о служеніи старца ближнимъ, нельзя не упомянуть о его поразительно самоотверженныхъ заботахъ о сестрахъ Дивѣва. Нѣтъ ничего труднѣе положенія незамужней, а особенно еще безродной женщины или дѣвушки. Нужно гдѣ-ниб. коротать свой вѣкъ. Но гдѣ его коротать? Какъ сохранить себя отъ соблазна? Какъ провести свою старость? Многія изъ дѣвушекъ обращались къ старцу благословить ихъ въ обитель. Но въ обитель не берутъ даромъ. Вотъ и задумалъ старецъ помогать этимъ „сироткамъ“. Рѣшилъ основать свою обитель для нихъ, въ которой „сиротки“ находили бы пріютъ до смерти. Просившихся у него въ монастырь онъ сталъ посылать въ Дивѣвъ. Все попеченіе о „сироткахъ“ взялъ на себя. А размѣрамъ заботъ о нихъ, казалось, не было и конца: нужно построить келліи, церкви, нужно пріобрѣсти землю для построекъ, нужно содержать сестеръ, нужно съумѣть поддержать сестеръ во время унынія, какое неволью нападало на нихъ благодаря ихъ нищетѣ и убожеству. Гдѣ взять средствъ на все это? Но старецъ не остановился ни передъ какими затрудненіями. Онъ пріобрѣлъ имъ землю, для поддержанія обители построилъ мельницу, на которой благословилъ сестеръ самихъ трудиться, построилъ для сестеръ храмъ. Матеріалъ на него заготовлялъ самъ. Храмъ этотъ существуетъ въ Дивѣвской обители и доселѣ. Заботами старца пріобрѣтены были колокола, утварь и ризница для новаго храма. Благодаря его же заботамъ добрые люди снабдили обитель землями и деньгами. Своимъ „сиротамъ“, старецъ отсылалъ свои послѣднія лепты, какія подъ конецъ дней для другихъ онъ бралъ отъ своихъ почитателей. Заботливость о „сироткахъ“ простиралась до того, что онъ иногда собиралъ въ лѣсу для отопленія ихъ келлій щепочки. Нерѣдко старецъ и самъ приходилъ къ нимъ въ обитель, благоустроая тамъ

все. Онъ первый началъ копать ровъ кругомъ монастыря. Эта канавка существуетъ и теперь въ обители. Словомъ, такъ онъ заботился о „сироткахъ“, что свои отношенія къ нимъ сравнивалъ съ отношеніями матери къ дѣтямъ.

— Искаль я вамъ матери, искалъ... и не могъ найти, послѣ меня никто вамъ не замѣнитъ меня... Теперь чело-вѣка-то днемъ съ огнемъ не найдешь“,—говаривалъ онъ.

Не даромъ старца звали „сиропитателемъ“, „великимъ благодѣтелемъ“, „другомъ народа“. Да, это великій—„сиропитатель“. Если бы въ мірѣ всѣ такъ благодворили, какъ онъ, то на землѣ не осталось бы ни одного бѣдняка.

Какъ я обрадовался, когда встрѣтилъ это слово „сиропитатель“ на одномъ изъ крестовъ, поставленныхъ въ дальней пустынкѣ старца. Нужно сохранить это слово на крестѣ на вѣчныя времена. Пусть проходящіе мимо знаютъ, что инокъ можетъ быть и „сиропитателемъ“ и что это сиропитательство не есть выдумка лукаваго, для отвлеченія инока отъ служенія Богу, а Божія заповѣдь, приводящая людей къ святости и прославленію...

Не будемъ болѣе говорить о томъ, что сдѣлано старцемъ для русскаго народа. Это всякій легко можетъ понять, когда представитъ, что старца знала вся русская земля, отъ царскихъ каменныхъ палатъ до послѣдней убогой хижины. Изъ края въ край, начиная съ сѣдовласыхъ старцевъ и кончая почти еще дѣтьми, всѣ повторяли его имя. Кто съ дѣтства еще не слыхалъ этого имени? Даже о прославленіи его говорили за цѣлые десятки лѣтъ до настоящаго времени. Мнѣ не было восьми лѣтъ, когда я слышалъ, что скоро откроютъ мощи батюшки Серафима. Въ одномъ монастырѣ былъ оставленъ даже придѣлъ неосвященнымъ. Придѣлъ предназначался въ честь старца Серафима. Надежды сестеръ осуществились. Теперь остается только освятить придѣлъ.

Есть люди, стоящіе на самомъ верху общественной лѣстницы, видные для всѣхъ отовсюду. Но какъ мало знаютъ ихъ всѣ и какъ мало помнятъ послѣ смерти. Сколько же нужно было сдѣлать убогому иноку пустынной лѣсной обители, чтобы стать видимымъ для всѣхъ русскихъ людей по всѣмъ уголкамъ необъятной русской земли? И онъ, св. старецъ это сдѣлалъ.

VII.

Великій и святой старецъ Саровскій много училъ русскій народъ и словомъ. Многое изъ его назиданій благочестивые люди сохраняютъ навсегда въ своей жизни въ качествѣ непререкаемыхъ истинъ. Приведемъ хотя нѣсколько изъ того, что десятки лѣтъ проповѣдоваль старецъ русскому народу. Одному мірянину онъ говорилъ:

— Добро дѣлай. Путь Господень все равно. Врагъ вездѣ съ тобой будетъ. Кто приобщается, спасенъ будетъ, а кто не приобщается, — не думаю. Гдѣ Господинъ, тамъ и слуга. Смирятъ себя. Миръ сохраняй, ни на кого не злобься. Евангеліе читай и жизнь Іова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть, — а онъ все терпѣлъ и спасся. Люби ближняго: онъ—плоть твоя. Подчиненныхъ храни милостями, облегченіемъ отъ трудовъ, а не ранами. Напой, накорми, будь справедливъ... Что приняла св. Церковь, все для сердца христіанина должно быть любезно. Не забывай праздничныхъ дней. Будь воздерженъ, ходи въ церковь, молись за всѣхъ. Давай въ церковь свѣчи, вино и елей: милостыня много тебѣ добра сдѣлаетъ. По постамъ скоромнаго не ѣшь: хлѣбъ и вода никому не вредны. Какъ же люди по 100 лѣтъ жили? Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ... Смиреніе приобрѣтай молчаніемъ. Богъ сказалъ: „на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ“.

Благословляя одну мать, заботившуюся особенно о свѣтскомъ воспитаніи своихъ дѣтей, старецъ сказалъ ей:

— Матушка, матушка! Не торопись дѣтей-то учить по-французски и по-нѣмецки, а приготовь душу то ихъ прежде, а прочее приложится имъ потомъ.

Старецъ не носилъ ни веригъ, ни власяницы и другимъ не совѣтоваль надѣвать ихъ. Вмѣсто видимыхъ желѣзныхъ веригъ онъ предлагаль слушателямъ болѣе тяжелыя вериги. Онъ говорилъ:

— Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, и если мы переносимъ обиды по-евангельски — вотъ и вериги наши, вотъ и власяница. Эти духовныя вериги и власяница выше желѣзныхъ, которыя надѣваютъ на себя нынѣшніе люди... Что пользы въ томъ, что мы надѣнемъ и вериги и власяницу, а будемъ спать, ѣсть и пить столько, сколько душѣ

хочется? Мы не можемъ и самаго малѣйшаго оскорбленія отъ брата понести великодушно. Отъ начальническаго же слова выпадемъ въ совершенное уныніе и отчаяніе, такъ что и въ другой монастырь выходимъ мыслію... Въ насъ вовсе нѣтъ никакого фундамента къ монашеской жизни? Можно ли въ такомъ состояніи духа и жизни покушаться на подвигъ, свойственный мудрымъ и совершеннымъ отцамъ?

— Стяжи мирный духъ,—говорилъ онъ одному,—молю тебя, радость моя, стяжи мирный духъ и тогда тысячи душъ спасутся около тебя“. Какъ глубоко справедливы и назидательны и эти слова.

Начальникамъ старецъ говорилъ:

— Всякій настоятель да сдѣлается и да пребудетъ всегда въ отношеніи къ подчиненнымъ благоразумною матерію. Чадолюбивая мать не въ свое угожденіе живетъ, но въ угожденіе дѣтей. Немощи немощныхъ чады сносить съ любовію. Въ нечистоту впадшихъ очищаетъ, омываетъ тихо-мирно, облачаетъ въ ризы бѣлыя и новыя, обуваетъ, согрѣваетъ, питаетъ, промышляетъ, утѣшаетъ, со всѣхъ сторонъ старается успокоить духъ такъ, чтобы никогда не слышать ей ни малѣйшаго ихъ вопля. Таковыя чада бываютъ расположены къ матери своей. Такъ всякій настоятель долженъ жить не въ свое угожденіе, но во угожденіе подчиненныхъ.

Подчиненнымъ совѣтоваль:

— Подчиненный долженъ умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы имѣть жизнь вѣчную. Онъ долженъ быть какъ сукно на сукновалѣ, по словамъ преп. Антіоха. Ибо какъ сукно бѣлильникъ колотитъ, топчетъ, чешетъ, моетъ, и оно дѣлается бѣло, подобно снѣгу; такъ и послушникъ, терпя униженія, оскорбленія, поношенія, очищается, дѣлается, какъ серебро чистое, блестящее, огнемъ разжженное.

Замѣчательны и слѣдующія изрѣченія старца:

„Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ зла.

Все дѣлай потихоньку, полегоньку и не вдругъ. Добродѣтель не груша, ее не вдругъ съѣшь.

Каждодневно выметаи свою избу (душу), да имѣй хорошій вѣстникъ.

Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ.

Бойся, какъ геенскаго огня, галокъ намазанныхъ (жен.

щинъ), ибо онъ часто воиновъ царскихъ дѣлають рабами сатаны.

Наша жизнь—одна минута въ сравненіи съ вѣчностію.

Не воструби, а гдѣ нужно, не премолчи.

Не забывай посылать дары обидѣвшимъ тебя.

Невѣрнаго ничѣмъ не увѣришь.

Помни, что истинная мантия монашеская есть разумное перенесеніе клеветы и напраслины: нѣтъ скорбей, нѣтъ и спасенія.

Кто себя любитъ, тотъ любить Бога не можетъ.

Аще кто не творить добра, тотъ и согрѣшаетъ. Надобно любить всѣхъ, а больше всего Бога“.

Одинъ изъ свѣтскихъ людей спрашивалъ старца, какъ ему сохранять нравственность подчиненныхъ ему Старець отвѣчалъ:

— Милостями, облегченіемъ трудовъ, а не ранами. Нашой, накорми, будь справедливъ. Господь терпитъ. Богъ знаетъ, можетъ быть, и еще протерпитъ долго. Ты такъ дѣлай: аще Богъ прощаетъ, прощай и ты. Сохрани миръ душевный, чтобы въ семействѣ у васъ ни за что не было ссоры. Тогда благо будетъ. Исаакъ, Авраамовъ сынъ, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходилъ. А потомъ его же стали просить къ себѣ, когда Господь Богъ благословилъ его стократнымъ плодомъ ячменя.

Замѣчательно старецъ смотрѣлъ на постъ:

— Постъ состоитъ не въ томъ только, чтобы рѣдко ѣсть, не въ томъ, чтобы ѣсть мало, и не въ томъ, чтобы ѣсть однажды, но въ томъ, чтобы не ѣсть много. Не разумнѣ тотъ постникъ, который дожидается опредѣленнаго часа, а въ часъ трапезы весь предается ненасытному вкушенію и тѣломъ и умомъ. Истинный постъ состоитъ не въ одномъ изнуреніи плоти, но и въ томъ, чтобы ту часть хлѣба которую хотѣлъ съѣсть самъ, отдать алчущему“.

Но постъ не долженъ и превышать силъ человѣческихъ. Св. старецъ говорилъ:

— Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то такое утруженіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели. Тѣло, изможденное трудомъ или болѣзнями, должно подкрѣплять умѣреннымъ сномъ, пищу и питіемъ, не наблюдая даже и вре-

мени. Иисусъ Христосъ, тотчасъ по воскресеніи дщери Іаировой отъ смерти, повелѣлъ „дати ей ясти“ (Лк. 8, 55).

— Оскорбленія отъ другихъ, говорилъ старецъ, должно переносить равнодушно и пріобучаться къ такому расположенію, какъ бы они не до насъ касались. Такое упражненіе можетъ доставить нашему сердцу тишину и сдѣлать его обителію Самого Бога. Образъ такого незлобія мы видимъ въ жизни св. Григорія Чудотворца, отъ котораго нѣкая жена блудница всенародно требовала мзды, акибы за грѣхъ, совершенный съ нею. А онъ, нисколько не разгнѣвавшись на нее, кротко сказалъ нѣкому другу своему: даждь скоро ей цѣну, колико требуетъ. Жена только что пріяла неправедную мзду, подверглась нападенію бѣса. Святитель же изгналъ изъ нея и бѣса молитвою. Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то по крайней мѣрѣ надобно удерживать языкъ по глаголу псалмопѣвца: „смятохся и не глаголахъ“ (76, 5).

Въ семь случаѣ мы можемъ взять себѣ въ примѣръ св. Спиридона Тримифунтскаго и преп. Ефрема Сирина. Первый такъ перенесъ оскорбленіе. Когда, по требованію греческаго царя, входилъ онъ во дворецъ, то одинъ изъ слугъ, бывшихъ въ палатѣ царской, сочтя его за нищаго, смѣялся надъ нимъ, не пускалъ въ палату и даже ударилъ его въ ланиту. Св. Спиридонъ, будучи незлобивъ, обратилъ ему, по слову Господню, и другую. Преп. Ефремъ, постясь въ пустынѣ, разъ лишенъ былъ пищи такимъ образомъ. Ученикъ его, неся пищу, нечаянно разбилъ сосудъ по дорогѣ. Преподобный, увидѣвъ ученика печальнымъ, сказалъ ему:

— Не скорби, брате. Аще бо не восхотѣ пріити къ намъ пища, то мы пойдемъ къ ней.

Итакъ преподобный пошелъ, сѣлъ при сокрушенномъ сосудѣ и, собирая снѣдь, вкушалъ ее. Такъ-то онъ былъ безгнѣвенъ.

„Для сохраненія мира душевнаго всячески должно избѣгать осужденія другихъ. А чтобы не осуждать ближнихъ, должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать худыхъ вѣстей и быть ко всему мертвымъ“,—говорилъ старецъ.

Какъ поразительно замѣчательны, свѣжи, новы и жизненны и слѣдующія слова старца.

— Должно снисходить и душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ

недостатки ближнимъ... Употребилъ ли ты много пищи, или сдѣлалъ другое что, сродное слабости человѣческой. Не прибавляй вреда къ вреду, но мужественно подвигнувъ себя къ исправленію, старайся сохранить миръ душевный, по слову Апостола: „блаженъ не осуждаѣй себѣ, о немъ же искушается“ (Рим. 14. 22).

Къ сему примѣромъ служить и одинъ пустынный, который пошедши за водой, при источникѣ палъ въ грѣхъ. Но возвратившись въ келлію, онъ созналъ свое согрѣшеніе, и пакы началъ проводить жизнь подвижническую, какъ прежде. Врагъ смущалъ его, представляя ему тяжесть грѣха, отрицая возможность прощенія и стараясь отвлечь его отъ подвижничества. Но воинъ Христовъ устоялъ на своемъ пути. О семъ случаѣ Богъ открылъ нѣкому блаженному отцу и велѣлъ брата, падшаго въ грѣхъ, ублажить за побѣду надъ діаволомъ.

Въ жизни каждому приходится переживать много тяжелыхъ минутъ, когда человѣкъ падаетъ духомъ, приходитъ въ уныніе. Старецъ заповѣдалъ избѣгать такого состоянія. Одинъ братъ впалъ въ уныніе. Увидѣвъ его, старецъ топнулъ даже ногой, сказавъ:

— Нѣтъ намъ дороги унывать. Нашъ Господь Христосъ все побѣдилъ, Адама воскресилъ, Еву освободилъ, смерть умертвилъ“.

Не уныніе, а радость должны постоянно наполнять душу каждаго человѣка.

— Что, матушка, ты съ сестрами то завтракаешь, когда онѣ кушаютъ?—спросилъ онъ одну инокиню.

— Нѣтъ, батюшка,—отвѣчала та.

— Что жъ такъ?—заговорилъ подвижникъ. Нѣтъ, ты, радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за столъ съ ними. Онѣ, знаешь, придуть усталыя, унылыя, а какъ увидятъ, что ты сама сѣла и ласкова, и возвеселятся и покушаютъ то болѣе съ велией радостью. Вѣдь веселость то не грѣхъ, матушка, она отгоняетъ усталость, а отъ усталости уныніе бываетъ и хуже его нѣтъ: оно все приведетъ съ собою“.

Замѣчательны слова св. старца Серафима и о молитвѣ. И въ данномъ случаѣ насколько выше онъ стоялъ многихъ современныхъ учителей, налагающихъ часто непосильныя бремена на плечи другихъ. Приспособляясь къ немощамъ и слабостямъ людей, старецъ не налагалъ на нихъ непо-

сильнаго молитвеннаго подвига. Онъ разрѣшалъ каждому христіанину держаться такого молитвеннаго подвига.

„Послѣ сна пусть каждый христіанинъ прочитаеть трижды „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво, радуйся“ трижды и Символь вѣры однажды. Предъ обѣдомъ и сномъ опять то же правило. „Держась такого правила,—говорилъ старецъ,—можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства“. Въ промежутки между этимъ правиломъ, въ дорогѣ, во время работы или какихъ-нибудь занятій старецъ совѣтовалъ держать въ умѣ постоянно слѣдующія краткія молитвы: „Господи, Исусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Или даже еще проще: „Господи помилуй“.

Приспособляясь къ немощамъ людей и желая всѣхъ сохранить въ молитвенномъ настроеніи и общеніи съ Богомъ, онъ шелъ еще дальше въ своихъ уступкахъ. Если кому нибудь невозможно было даже выполнить, какъ слѣдуетъ, и этого правила, то св. подвижникъ совѣтовалъ читать его во всякомъ положеніи: и во время занятій, и на ходьбѣ, и даже въ постели, помня слова Господа: „всякій, кто только призоветъ имя Господа, спасется.“

Ни одного вопроса жизнеустроенія и жизнепониманія не оставилъ св. старецъ безъ объясненія и отвѣта. Всего касался онъ въ своихъ бесѣдахъ съ приходящими. Но не будемъ приводить другихъ многочисленныхъ примѣровъ того, чему и какъ училъ св. старецъ русскій народъ. Достаточно и приведенныхъ.

Многіе приходили въ восторгъ, слушая св. старца. И нельзя было не удивляться и не восторгаться. Каждое его слово было не выдуманно, не сочинено, не написано, а выношено, провѣрено на жизненномъ, тяжеломъ, продолжительномъ опытѣ, соразмѣрено строго съ силами пришедшаго, его особенностями, немощами. Это не слово писателя, выдумывающаго свои правоученія гдѣ-нибудь вдали отъ жизни въ роскошномъ кабинетѣ, при всѣхъ внѣшнихъ культурныхъ удобствахъ. Это не слово теоретика моралиста. Это не слово проповѣдника, сочиняющаго проповѣдь... Вотъ почему въ каждомъ его словѣ такъ много жизненной правды. Вотъ почему каждое это слово такъ близко душѣ cadaго чело-вѣка. Читая назиданія старца, невольно чувствуешь, что читаешь что-то почти совершенно новое, еще ни отъ кого

никогда неслыханное. Прислушиваясь къ дивнымъ словамъ старца, самый послѣдній грѣшникъ, можетъ сказать, что для него еще далеко не все потеряно. И грѣшницѣ, немощной человѣкъ видитъ впереди себя просвѣтъ небесный. Каждый окрыляется, внимая словамъ старца. А дать жизненный устой, указать путеводную звѣзду человѣку, освѣтить мракъ душевный, сказать, что человѣкомъ еще не все потеряно,—эта величайшая заслуга. Воскресить духовно человѣка—значитъ совершить великое чудо. Заставить вѣрить въ правду Божию на землѣ, и болѣе того, заставить жить сообразно съ этой правдой—это великое дѣло. Многіе нынѣ проповѣдуютъ то же, что проповѣдовалъ и старецъ Саровскій, но какъ мало ихъ слушаютъ...

VIII.

Теперь уже прославленъ дивный старецъ Саровскій. День прославленія его ознаменованъ многочисленными поразительными чудесами и громаднѣйшимъ стеченіемъ вѣрныхъ ему его дѣтей духовныхъ.

Прославленіе преп. Серафима Саровскаго несомнѣнно одно изъ величайшихъ событій нашихъ дней. Такіе дни бываютъ очень рѣдки въ жизни народа. Поэтому къ 19 іюля нельзя отнестись безучастно, кто бы какихъ жизненныхъ воззрѣній ни держался. Этотъ день, мнѣ кажется, русскому народу нужно назвать днемъ повѣрки себя и своихъ замѣтныхъ вѣковѣчныхъ вѣрованій, чаяній, стремленій. Итакъ, станемъ мысленно всѣ у раки св. старца и повѣримъ себя и свои жизненные идеалы.

Пусть станутъ прежде всего у этого гроба русскіе иноки. Бѣгло обозрѣвая жизнь св. старца, невольно поражаешься высотой ея. Изучая эту жизнь, начинаешь уже и теперь думать, что св. старецъ какъ будто жилъ не въ наши дни, а въ дни древнихъ великихъ подвижниковъ: Антонія, Пахомія, Макарія, Саввы, Иларіона, Евфимія и другихъ. Такъ его жизнь была тѣсно сроднена съ жизнью тѣхъ великихъ подвижниковъ. И дѣйствительно, трудно указать въ жизни старца Серафима то, чего бы ему не доставало въ сравненіи съ первоподвижниками. Онъ проходитъ всѣ виды древняго подвижничества: пустынножителство, столпничество.

затворъ, молчальничество, пещерничество, старчество, служеніе ближнимъ и словомъ, и дѣломъ. Древніе подвижники снискивали кусокъ хлѣба своими руками. Своими руками снискивалъ его и онъ. Древніе подвижники не имѣли лишней одежды. Не имѣлъ ее и онъ. Древніе подвижники не имѣли никакого имущества, такъ что всегда свои хижины оставляли незапертыми. И онъ ничего не имѣлъ у себя и оставлялъ свою хижину открытой для всѣхъ. Древніе подвижники спали на голой землѣ, мало вкушали пищи. И онъ не спалъ на пышныхъ постеляхъ и его пища была убога и скудна. Древніе подвижники жили десятилѣтіями въ пустынѣ. И онъ жилъ цѣлыхъ 55 лѣтъ въ своей обители. Древніе подвижники творили чудеса. И по его молитвамъ совершаются многочисленныя чудеса. Они были великіе молитвенники. И онъ также. Словомъ, если бы мы стали сравнивать всю его жизнь съ жизнью древнихъ подвижниковъ, то нашли бы поразительное между нимъ и ими сходство вездѣ и всюду. Это сходство такъ велико, что по временамъ дѣйствительно начинаешь даже сомнѣваться, нашъ ли онъ и въ наше ли время жилъ...

Несомнѣнно, жизнь монашеская трудная. Монашескій корабль обуреваютъ непрестанно сильнѣйшія внѣшнія и внутреннія бури. Не всѣ борцы устаиваютъ въ борьбѣ. Изъ жизненной книги нѣкоторыхъ постепенно вырываются листъ за листомъ съ тѣми священнѣйшими письменами, которыми они обѣщались когда-то руководиться въ теченіе всей своей жизни. Борьба, особенно неравная борьба, многихъ охлаждаетъ. Монашескіе обѣты начинаютъ казаться почти невыполнимыми, а жизнь древнихъ подвижниковъ, просіявшихъ своими подвигами по всей вселенной, мало понятной, бывшей слишкомъ когда то давно и едва ли даже возможной въ настоящее время. Такъ мало по малу жизнь начинаетъ сбивать людей съ старыхъ устоевъ и основывать на новыхъ, иногда совершенно чуждыхъ завѣтамъ древняго иночества, и даже больше того...

Приди и стань у раки св. старца, русскій инокъ. Вотъ она—истинно монашеская жизнь, такъ пышно и чудно развернувшаяся на нашихъ почти глазахъ въ лѣсахъ Саровскихъ. Къ намъ теперь какъ бы возвратились времена древняго подвижничества. Не читаемъ или не слышимъ только о нихъ мы

теперь, а видимъ ихъ своими глазами, осязаемъ своими собственными руками. Не падай же духомъ, инокъ. Иди твердо и неуклонно впередъ, освящая каждый свой жизненный шагъ завѣтами св. старцевъ подвижниковъ.

Русская обитель, какъ много ты таишь въ себѣ духовныхъ величайшихъ силъ. Если всѣ твои сыны выйдутъ на дѣланіе до вечера въ духѣ и подвигѣ св. старца Серафима, какая темная сила устоитъ противъ этой силы? Какъ благодатный сильный дождь смываетъ съ лица земли всякую грязь и нечистоту, такъ и эта сила духовная и благодатная можетъ смыть съ лица земли русской многое нечистое, что на ней только встрѣтитъ она. Сіе буди, буди..

Приди къ ракъ св. старца и ты, русскій народъ. Тяжела и трудна твоя была доля. Но несмотря на всѣ свои жизненныя невзгоды и неудачи, не утратилъ ты своей горячей вѣры въ Божіи завѣты на землѣ. Ты хранилъ уставы Церкви. Ты любилъ прежде всего на землѣ думать о царствѣ Божіемъ и, перенося великія бѣдствія, не ропталъ на свою судьбу. Ты крѣпко вѣрилъ, что правда Божія можетъ быть вездѣ на землѣ. Можетъ обитать она и въ хижинѣ самаго послѣдняго бѣдняка. Царство Божіе не измѣряется палатами да богатствомъ. Но тебя начали смущать за послѣднее время новые непризванные учителя, увлекаая въ сторону отъ твоихъ вѣковыхъ вѣрованій и чаяній. Нѣкоторые изъ простодовъ уже начали и колебаться... А другіе больше того, стали сознательно идти въ сторону отъ этихъ преданій. Многіе пошли въ сторону отъ вѣры своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадедовъ. Многіе уже теперь находятъ различныя новыя вѣры..

Русскій народъ, пойди къ ракъ св. старца и убѣдись тамъ, что не напрасно ты хранилъ вѣковыя твои вѣрованія. Въ нихъ твоя сила и мощь, а не въ блужданіяхъ на сторонѣ. Св. старецъ—твой герой и твой вѣчный руководитель. Онъ воплотилъ въ себѣ и осуществилъ всѣ твои вѣрованія и всѣ твои мечты о спасеніи и счастьи на землѣ. Ты увидишь тамъ, что смыслъ жизни не въ борьбѣ за кусокъ насущнаго хлѣба, куда тебя иногда влекутъ насильно и обманомъ даже, а въ правдѣ Божіей. Ты увидишь, что правда Божія мирно уживалась въ Саровскихъ лѣсахъ, въ груди прикрытой почти рублищемъ, въ человѣкѣ, спавшемъ на камняхъ и землѣ, питавшемся по цѣлымъ годамъ одними только овощами.

Ты увидишь, что эта правда, Божія правда, а не другая какая-нибудь, правда исключительно животнохъ интересовъ, виѣшнихъ различныхъ выгодъ и преимуществъ собрала около себя сотни тысячъ людей. Все теперь склонилось предъ этой правдой: и богатство, и знатность, и мудрость... Къ бѣдному и убогому пустыннику Саровскихъ лѣсовъ теперь пришли во главѣ съ своимъ Царемъ: князья, вельможи, бояре, богачи, ученые мужи, архипастыри, пастыри, иноки, инокини, бѣдняки, убогіе, старцы, дѣти, юноши, дѣвы, старицы, отцы, матери. Кто ихъ собралъ сюда? Собрала ихъ сюда правда Божія, воплощенная въ жизни убогаго старца Саровскаго. Какъ и чѣмъ иначе можно было бы привлечь столь многочисленныхъ гостей св. старцу?... Русскіе люди пошли въ Саровъ, чтобы поклониться здѣсь правдѣ Божіей, чтобы исповѣдовать и засвидѣтельствовать свою горячую вѣру въ нее! Храни же эту вѣру въ Божію правду на землѣ; храни свой духъ мирный. Не поддавайся никакимъ обольщеніямъ. Будь твердъ и непреклоненъ. Учи тому же и дѣтей своихъ. И благо будетъ тебѣ. Если же ты забудешь свои завѣты, то погибнешь съ проклятіями въ кровавой борьбѣ за свое существованіе...

И русское образованное общество не уйдетъ отъ этой св. раки безъ назиданія.

Говорить объ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука въ различныхъ областяхъ знанія, нѣтъ нужды. Это было бы скучнымъ повтореніемъ старыхъ, избитыхъ словъ. Но счастливъ ли человѣкъ среди этого видимаго блеска и различныхъ благъ культуры? Нѣтъ и нѣтъ.

Сколько нынѣ всюду слышится жалобъ на жизнь. Ярошъ говоритъ: „современная Европа опять ощущаетъ симптомы историческаго кризиса. На ряду съ непримѣрнымъ развитіемъ жизненныхъ удобствъ, съ богатствомъ приобретенныхъ знаній въ европейскихъ обществахъ замѣчается несомнѣнный и глубокой упадокъ духа. Повсемѣстно исчезаетъ безпечный смѣхъ и радостное ожиданіе завтрашняго дня“. „Мы присутствуемъ при великой душевной драмѣ, переживаемой не отдѣльными личностями или даже народами, а всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ“,—пишетъ Гротъ. Извѣстный Генри Джоржъ говоритъ: „въ шумныхъ столицахъ, на улицахъ, залитыхъ асфальтомъ, и озаренныхъ электрическими соли-

цами, мы, какъ и вездѣ, встрѣчаемъ истомленные, хмурые, злобныя лица. Среди наибольшаго скопленія богатства люди умираютъ съ голода и болѣзненные дѣти сосутъ изсохшія груди своихъ матерей“. „Наниматель смотритъ на наемника, какъ на рабочую, механическую силу, которая должна принести ему только возможно больше выгоды. Естественно, въ душѣ рабочаго растетъ мрачная злоба противъ своего работодателя. Отсюда колоссальныя стачки, уличныя побоища, разгромы промышленныхъ и торговыхъ заведеній, динамитные взрывы, застраиванія и аграрныя преступленія, — все это становится обыденными, нормальными явленіями экономической жизни современной капиталистической цивилизаціи“ (Неплюевъ).

„Образованное общество переживаетъ тяжелый нравственный кризисъ,—говоритъ Тернавцевъ. Душу сжигаетъ потребность высшаго, чѣмъ собственное знаніе, просвѣщенія, высшаго примиренія, чѣмъ то, которое мы можемъ себѣ дать. Все знаніе со своею тысячекою наукою оказывается безчеловѣчнымъ и пустымъ, ибо бессильно разрѣшить мучительныя сомнѣнія о высшемъ смыслѣ существованія. Соціальныя планы интеллигенціи руются... Просвѣщать другихъ, пріобщать ихъ къ сокровищамъ своего міровоззрѣнія стало невозможнымъ, когда сокровища эти оспариваются совѣстью, какъ мнимыя... Надломленная въ сознаніи своей достаточности для себя, интеллигенція находится теперь въ состояніи духовнаго обнищанія“. „Всѣ ждутъ, не дождутся новой эры“,—замѣчаетъ Нордау. Отсюда—блужданія образованнаго общества по всевозможнымъ распутіямъ. Отсюда тьмы темъ различныхъ новыхъ учителей и реформаторовъ. Одни говорятъ, наше спасеніе на Западѣ, „идемъ на Западъ!“ Другіе говорятъ: „пора намъ вернуться домой, Западъ гниетъ“... Третьи проповѣдуютъ идеаль сытаго человѣка, какъ будто бы сытый человѣкъ освобождается отъ мучительныхъ вопросовъ жизни и смерти. Четвертые говорятъ, что необходимо стать выше обычныхъ представленій добра и зла, стать „по ту сторону добра и зла“. Пятые проповѣдуютъ новую вѣру. Шестые, вооружившись огнемъ, мечомъ и всякаго рода грубыми внѣшними насильями, идутъ создать царство Божіе на землѣ, какъ будто Христосъ Спаситель такимъ образомъ разпространялъ свое царство среди

людей... Но довольно, зачѣмъ рисовать всѣмъ знакомыя картины?...

Пустыня Саровская несомнѣнно многимъ многое прояснить. Она научить, какъ созидать свое личное счастье, какъ вести къ счастью другихъ людей, въ чемъ и гдѣ благо человѣка, какъ бороться съ немощами человѣческими, съ своими личными недугами. Она примирить между собою и людей, стремящихся на Западъ и Востокъ. Здѣсь научатся русскіе люди, какъ любить другъ друга и какъ помогать другъ другу. Вѣдь у св. старца находили привѣтъ и всякую помощь не только всѣ люди, но и звѣри даже...

Не уйдутъ отъ раки св. старца безъ утѣшенія и тѣ, душа которыхъ смущена открытіемъ мощей угодника. Если кто внимательно присматривался къ жизни старца, тотъ пусть знаетъ, что уже она одна сама по себѣ представляетъ собою величайшее чудо, не говоря о томъ, что совершается тамъ около его св. раки. Пусть онъ спроситъ себя, сколько могъ бы онъ взять на свои плечи изъ того, что несъ безропотно старецъ въ теченіе всей своей жизни въ обители, 55 лѣтъ день и ночь, безъ всякаго перерыва? Неужели и послѣ всего этого нельзя преклониться съ благоговѣніемъ предъ величіемъ и святостію старца?...

Не уйдутъ безъ утѣшенія отсюда немощные и скорбящіе, потому что, по молитвамъ св. старца, Господь скоро здѣсь видитъ ихъ болѣзни, слышитъ ихъ скорби, исполняетъ ихъ прошенія и мольбы.

Не будутъ уходить отсюда безъ утѣшенія и всѣ грядущія поколѣнія. Неложно слово старца, который сказалъ:

— Когда меня не станетъ, ходите ко мнѣ на гробикъ... Придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ... Для васъ всегда я живъ буду“.

IX.

Бросимъ общій взглядъ на Саровскія торжества.

Русскую землю снова ярко освѣтили и залили своимъ свѣтомъ лучи, исходящіе отъ всесвятѣйшаго Источника всякой правды и жизни. Теперь не осталось ни одного сокровеннаго уголка въ сердцѣ человѣка, который не былъ бы

освѣщенъ этими новыми лучами, несущими въ міръ жизнь покой и отраду. Въ чемъ многіе сомнѣвались, теперь не будутъ сомнѣваться. Тверже стала почва подъ ногами. Смѣлѣе можно идти впередъ. Засіяла новая яркая звѣзда на нашемъ горизонтѣ и долго долго она будетъ освѣщать всѣмъ жизненный путь, пока не взойдетъ какая-нибудь новая благодатная звѣзда. На нашу землю снизошла новая духовная весна, полная необыкновенной свѣжести, прелести и живительности. Будемъ освѣжаться, обновляться, исправлять пути свои. Пойдемъ тамъ, гдѣ мы сбились, новыми путями, какіе заповѣдалъ намъ св. старецъ Саровскій... Повѣримъ свою жизнь жизнью св. старца. Снова Богъ съ нами. Пойдемъ мы къ Нему, отдадимъ Ему все, что имѣемъ...

На буддійскомъ Востокѣ на монаха смотрять, какъ на высшее существо. При встрѣчѣ съ нимъ, государь сходитъ съ коня (Фильдингъ). Намъ ли теперь не преклонить своихъ колѣнъ предъ святѣйшимъ и великимъ подвижникомъ Саровскимъ? Преклонимъ не только колѣна, но и сердца свои. Не словами и поклонами только возвеличимъ и ублажимъ праведнаго, а и дѣломъ. Вмѣстимъ въ себя образъ его, положимъ въ основаніи своей жизни его завѣты, будемъ стараться такъ же пламенѣть любовью къ Богу и ближнимъ, какъ пламенѣлъ онъ, живя на грѣшной землѣ въ лѣсахъ Саровскихъ.

Архимандритъ Евдокимъ.

Село Казнево.
19 Юля 1903 года.
